

Александр Адерихин

КИТЫ И ЛЮДИ

Издание подготовлено и выпущено в рамках проекта «Китобои: Страну надо кормить: студенты калининградских колледжей изучают историю китобойной флотилии «Юрий Долгорукий»».

Проект реализован общественной организацией «ЮЛА» при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.

БЛАГОДАРНОСТИ

Анатолию Васильевичу Мамаеву, ветерану китобойного флота

Дмитрию Владимировичу Манкевичу, доценту Института образования и гуманитарных наук БФУ им. И. Канта

Государственному архиву Калининградской области

Музею «Дом китобоя»

Музею Мирового океана и лично Ирине Борисовне Байковой, старшему научному сотруднику отдела природы музея

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА

Эта книга написана в рамках проекта «Китобои: Страну надо кормить», в ходе которого студенты калининградских колледжей изучали историю китобойной флотилии «Юрий Долгорукий». Они и стали настоящими её соавторами.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА КУХНЮ

*Участник проекта (УП): Китобои? В Калининграде? Что они тут делали?
Эксперт проекта (ЭП): О, это не такая простая история...*

Справка

Для начала – небольшая историческая справка: китобойная флотилия «Юрий Долгорукий» (порт приписки Калининград) просуществовала с 1960 по 1975 год. Это одна из пяти советских флотилий, ходивших за китами аж к самой Антарктиде с её штормами, пингвинами и айсбергами. Впрочем, тогда к Антарктиде за китами ходили все: норвежцы, японцы, канадцы, датчане, американцы... Ходили, пока Организация Объединённых Наций не приняла меморандум, обязательный для всех участников. Также меморандум предусматривал мораторий на добычу китов.

Понятно, почему это произошло. К 1975 году китов разных пород сильно выбивали, их осталось мало, и очередная непоправимая экологическая катастрофа стояла на пороге. Но не спешите радоваться за китов. Конечно, их перестали добывать промышленным способом в том огромном количестве. СССР, кстати, к меморандуму не присоединился, советские флотилии били китов до 1985 года. (Но не все. Флотилию «Юрий Долгорукий» расформировали в 1975-м). Эксплуатировать китобойные флотилии в таком количестве стало невыгодно, вот их и подсократили. А в 1985 году китов стало так мало, что промысел закрыли. Но не до конца. Китов в России добывают до сих пор. Может быть, даже прямо сейчас, пока вы читаете эту книжку, на побережье Чукотки местные жители «берут» очередного кита, загоняя в его тело ручные допотопные гарпуны. Речь о так называемом «аборигенном лове».

Считается, что это важная часть национальной идентификации российских чукчей, часть их культуры и истории. Сами чукчи говорят об этом несколько проще: «Без морского зверя нам не выжить». «Морской зверь» у них – это не только киты, это ещё и моржи. Примечательно (чтобы не написать молодёжное словечко «прикольн»), что для чукчей, проживающих на океаническом побережье, кит – тотемное животное. По чукотской мифологии, чукчи произошли от китов. Это сакральное «близкое родство» не мешает современным чукчам брать в год 140 своих прародителей, серых китов чукотско-калифорнийской популяции.

Российские чукчи в своём стремлении к гастрономическим корням не одиноки. Аборигены американской Аляски берут в год 50 гренландских китов и одного-двух серых.

Как и из добытых моржей, наши чукчи из китов делают различные блюда, рецепты приготовления которых пришли к нам реально из глубины веков. Например, копальхен. Это деликатесное блюдо. «Википедия» сдержанно рассказывает о рецепте приготовления копальхена: «Животное (кита, тюленя или моржа – прим. авт.) умерщвляют, охлаждают в воде, помещают в шкуру, откуда затем выпускают воздух, и зарывают под прессом из гравия на линии прибора. Через несколько месяцев туша извлекается и употребляется в пищу. Обычно охота на морского зверя

ведётся летом, а готовый копальхен выкапывают в декабре. Мороженный копальхен режется тонкими ломтиками».

Если вы вдруг окажетесь на Чукотке и решите откусать деликатесного копальхена, будьте осторожны. Ещё одна цитата из «Википедии»: «При употреблении копальхена любой человек, если только он не питается им с детства, может получить сильнейшее отравление, которое при отсутствии своевременной медицинской помощи может закончиться летальным исходом. Гнилое мясо в довольно большом количестве содержит трупный яд – кадаверин, путресцин и нейрин. Эти вещества, образуемые при разложении, ответственны за неприятный запах продукта, а также токсичны, в особенности нейрин. Действие нейрина на организм сравнимо с действием мускарина и фосфорорганических веществ, то есть появляются обильное слюноотечение, бронхорея, рвота, понос, судороги и в большинстве случаев наступает смерть от сильного отравления».

А вот теперь – на кухню...

ГЛАВА 1. ТВОРЧЕСКАЯ КУХНЯ

УП: А писать книжки – это трудно?

ЭП: Ну... По-разному... Если получается – трудно. А если не получается, то легко...

Добро пожаловать на кухню. На мою личную творческую кухню. Она у меня в голове. Там сейчас жуткий беспорядок (больше, чем обычно), гвалт, крики, споры.

Понимаете, плохо писать, когда информации и мыслей на «заданную тему» мало. Плохо, но плохо уже совсем по-другому, когда информации и идей много. И надо выбирать. И от чего-то отказываться. Та ещё работёнка...

У меня сейчас в голове – вариант номер два. Когда всего много. Вон сколько всего набежало: мыслей, интонаций, фактов, предположений, откровенных домыслов, версий, реальных человеческих историй и всяких других нюансов с акцентами.

Орут: «Не забудь про меня. Без упоминания меня книга будет неполной, необъективной, и вообще – кособокой и криворукой...» И тут же рядом, из другого полушария, из натруженной непосильным творческим трудом авторской извилины раздаётся: «Нет, нет, нет, это без рассказа обо мне у тебя ничего не получится...» И тут же из соседней извилины, как из вражеского окопа, летит в автора саркастическое: «А без меня, значит, получится? Ну, ну, давайте вместе посмотрим, как... как у вас ничего без меня не получится!»

Это нормальный творческий процесс, который, по мнению врачей-психиатров, изначально не очень нормален.

Для того чтобы навести порядок на своей творческой кухне у себя в голове, пытаюсь все эти факты-нюансы-акценты-детали-легенды выстроить по их важности для этой книги. Боже мой, кого и чего здесь только нет! Вот стройный и, наверное, самый громкий экологический хор: китобойный промысел – преступление, промышленная добыча китов – грандиозная ошибка, нанёсшая вред экологии земного шара, от ужасных и грандиозных последствий которой мировая экосистема только-только восстанавливается. Да, это очень важный аспект нашей истории, и про него обязательно надо писать.

И тут раздаётся интеллигентное вежливое покашливание. Историки. У них есть эмоции, есть личные предпочтения, хотя, читая их научные работы, начинаешь в этом сомневаться: фактура, аргументация, доказательства, ссылки на источники... Дискуссия, цель которой – не «затроллить» собеседника, а добраться до

истины или хотя бы сделать несколько шагов в этом направлении. Такая это наука – история. Например, короткое исследование Дмитрия Манкевича, кандидата исторических наук, преподавателя БФУ имени Канта. Вклад советских китобойных флотилий в ликвидацию продовольственного кризиса в СССР в шестидесятых-семидесятых без сомнения огромен. Чтобы точно его подсчитать, нужно всего ничего – каких-то лет двадцать работы учёных в российских архивах.

Кстати, из добытых китов делали не только колбасу и консервы. Помимо всего другого-прочего, из этого «сырья» в промышленных масштабах делали инсулин, препарат для больных диабетом. Таким образом, добытые киты ценой своей жизни спасли... много человеческих жизней. В том числе родителей, дедушек, бабушек, прадедушек и прабабушек тех, кто сегодня говорит о китобойном промысле как о кровавом преступлении перед Матерью Землёй. Если бы не тогдашний инсулин из китов, многих российских людей сегодня просто бы не было. Они бы не родились. В том числе и современные безапелляционные критики китобойного промысла. Вот такой интересный сюжетный поворот. Но об этом мы поговорим немного позже.

За беседой экологов и историков в моей голове наблюдает Мощная Человеческая История. И я её здесь (но не сейчас) обязательно расскажу. Это история одного из китобоев, ветеранов калининградской Антарктической китобойной флотилии «Юрий Долгорукий». Он приехал в Калининградскую область в 1946 году ребёнком к отцу-лётчику, прошедшему страшную войну, которую потом назовут Великой Отечественной... Здесь, в бывшей Восточной Пруссии, он впервые увидел море, и, как он сам говорит, это была любовь с первого взгляда. Вся его жизнь, яркая, непростая, трудная, полная потрясающих «джеклондоновских» морских историй, посвящена морю, в том числе флотилии «Юрий Долгорукий». Для него это не просто история, не просто тема для обсуждения, для него это – жизнь.

А есть ещё истории тех, кто ждал своих близких на берегу. Жёны, матери, дети калининградских китобоев семь–восемь месяцев, а именно столько длился рейс флотилии к берегам Антарктики, ждали своих сыновей, мужей, отцов. Связь – через редкие радиogramмы-телеграммы, письма и звуковые письма-пластинки, записываемые близкими в специальной студии звукозаписи на Ленинском проспекте и приходящие морякам вместе с несчастными танкерами-заправщиками. Про это обязательно надо говорить. Это мощный пласт в истории Калининграда, это история с человеческими лицами, а не только факты, документы, цифры.

Тогда, в шестидесятые–семидесятые, советские китобои – безоговорочные герои, о них пишут в газетах, их показывают в «Голубом огоньке», о них снимают трогательные и не очень документальные фильмы. Возвращение флотилии домой – всенародный калининградский праздник: толпы народа в порту и на берегах канала, гудящие рестораны, оркестры, приветственные речи... И – никаких претензий по поводу антигуманного китобойного промысла...

Но вернёмся на мою творческую кухню. Там есть ещё кое-что очень важное: студенты и студентки – участники проекта, запущенного некоммерческой организацией «ЮЛА» при поддержке Фонда культурных инициатив. Суть проекта – в его названии: «Китобои: Страну надо кормить: студенты калининградских колледжей изучают историю китобойной флотилии «Юрий Долгорукий»». Их слова, выводы, открытия, самая настоящая исследовательская работа, поход в архив и разучивание популярного в те «китобойные» годы танца «Летка-енка» – важная часть этой книги. Которая, повторюсь, во многом написана ими – юными исследователями нашего, такого недавнего, прошлого.

Один из результатов проекта, о котором мы можем рассказать уже сейчас, – студент задумался: вот мы всё о китобоях да китобоях, а мои деды и прадеды – кто они? С этим вопросом наш студент обратился к своей маме. Она охотно рассказала

сыну историю семьи. Прадед нашего студента оказался... моряком-китобоем, одним из членов команды той самой флотилии «Юрий Долгорукий».

Ну вот, начало у книжки есть – рваное, дёрганое, не очень структурированное, не совсем цельное, непонятно, к чему ведущее... Короче, рассыпчатое, как молодая картошка сорта «Синеглазка». Видимо, дальше вся книжка такой будет – неструктурированной и рассыпчатой. Потому что вся эта история с китами и людьми такая: куча фактов, ещё больше вопросов, а на эти сотни (тысячи?) вопросов – раза в три больше ответов, а всяких мнений – ещё больше.

Кстати, о вопросах. Не даёт покоя один из них. Почему именно киты? Почему именно добыча китов стала символом хищнического и неумного отношения человека к природе? За ответами полез в «Википедию». Сколько там всего интересного. Например, статья «Мясная промышленность». В статье пишут: «По итогам 2012 года суммарный объём производства скота и птицы на убой (в живом весе) в хозяйствах всех категорий составил 11 млн 630 тыс. тонн». Ну, то есть 11 миллионов 630 тысяч тонн всех этих милых, таких пушистых цыпляток, телят с печальными вишневыми глазами и прочих домашних животных выращены нами специально, чтобы весьма жёстким образом убить их, разделать и съесть. А ведь это только Россия.

(Задание для участников нашего «китобойного» проекта: посмотрите в Великой сети Интернет, сколько милых животных – которые так же, как и вы, чувствуют боль, хотят жить, у которых есть «плохо» и «хорошо», – убивает человечество в год? И, да: как вы к этому относитесь?)

А вот ещё одна интересная статья, там же. Она называется «Воздействие производства мяса на окружающую среду». Ну-с, что тут у нас? Цитирую: «...В докладе 2006 года «Длинная тень животноводства» (англ. Livestock's Long Shadow), который опубликовала Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО) ООН, сообщается: “Сектор животноводства – один из основных стрессоров для многих экосистем и для планеты в целом. Глобально это один из крупнейших источников парниковых газов, одна из главных причин утраты биоразнообразия и ведущий источник загрязнения воды как в развитых, так и в развивающихся странах”».

И это ещё не всё. Если пройти по ссылочке, то мы забираемся во что-то очень умное. В «Голоценовое вымирание». Знаете, что это такое? Нет? Цитирую статью в «Википедии»: «Голоценовое вымирание... или шестое массовое вымирание – происходящее в настоящее время одно из наиболее значительных массовых вымираний видов животных и растений в истории Земли...» В истории Земли, Карл! Далее: «Это вымирание затрагивает множество систематических групп фауны и флоры, включая млекопитающих, птиц, земноводных, пресмыкающихся, рыб и беспозвоночных. За последние 500 лет с лица Земли исчезли почти 900 видов животных. Под угрозой вымирания в настоящее время находятся более 35,5 тыс. видов животных и растений, в том числе 40% всех видов амфибий и 25% видов млекопитающих. Численность большинства видов диких животных (кроме синантропных) резко сократилась за последние 100–200 лет из-за исчезновения их местообитаний в результате деятельности человека, прямого истребления человеком, конкуренции с завезёнными чужеродными видами и другими, связанными с человеческой деятельностью причинами...»

Оглянитесь. Видите вокруг себя признаки глобальной катастрофы? Нет? Не видите? Ну, тогда продолжаем.

Сидим в кафе, обсуждаем с ребятами проект. В частности, почему киты сильно волнуют людей, а вот, например, дождевые черви – нет. При чём здесь дождевые черви? Вы не представляете, какой серьёзный вклад миллиарды этих тружеников вносят в наше существование. Землю рыхлят, кормом для птичек, рыбок и других служат и так далее. Нравится кому-то или нет, но дождевые черви – важная

часть нашего мироздания. Но их не жалко. Кстати. Поднимите руку те, кто в детстве перерезал детской лопаткой хоть одного несчастного дождевого червя, чтобы червячку не было одиноко? Как вам сейчас? Не очень стыдно перед дождевыми червячками?

Во время дискуссии «киты против дождевых червей» я попросил одного УП, уплетающего что-то вроде бутерброда (кстати, с куриным филе), попробовать пофантазировать. Рассказать о жизни той курицы, которую он ест. Как она родилась, что в её жизни было хорошего, какого цвета у неё были перья, какой у неё был характер...

– Слушайте, – сказал мне УП и развёл руками, показывая, что подобные параллели здесь неуместны. – Её ведь специально вырастили, чтобы я её съел!

Вот так прямо и ответил.

А вот ещё был случай....

Ого, куда меня занесло. В этой «китобойной» теме, казавшейся изначально такой простой, ясной и понятной, всё время так: диаметрально противоположные оценки «тогда» и «сейчас», вторые смыслы, а в них – вторые подсмыслы... И так – до бесконечности.

Ладно, давайте выбираться из неудобного убойного цеха неизвестной нам птицефабрики. Займёмся другим, очень важным аспектом темы, а именно историей с человеческим лицом. В связи с чем хочу рассказать вам историю одного человека. Во всех смыслах этих слов, это история Человека Труда, одного из миллионов советских Людей Труда.

ГЛАВА 2. ЧЕЛОВЕК ТРУДА

УП: Жизнь у них была непростая, конечно... Поймём ли?

Детство

Толику Мамаеву было шесть лет, когда в 1946 году мама перевезла его из разрушенного войной Пскова в прусский приморский городок Гросс Курен. Сегодня это Приморье Калининградской области. Там располагался штаб истребительного авиакорпуса, подразделения которого стояли в округе. Отец Толика – офицер, лётчик, прошедший войну – служил в штабе авиакорпуса.

Именно здесь, в Гросс Курене, Толик первый раз увидел море. На пляж его привела мама. Море было большим, стального цвета, с высокими волнами, кувалдой бьющими по пляжу. Толик в море влюбился с первого взгляда.

Именно в Приморье он отправился в своё первое плавание. Роль моря-океана играл небольшой пруд на окраине посёлка, роль корабля – старая немецкая цинковая ванна, найденная недалеко от пруда. В ванне было несколько пулевых отверстий. Мальчишки заткнули дырки деревянными пробками и спустили «корабль» на воду. Плавали на «корабле», гребя куском доски...

В то время в Приморье ещё жили немцы, в основном – старики, женщины и дети. Немцев выселят позже, в 1948-м. Для взрослых советских и немцев война закончилась. И те и другие начали строить свою мирную жизнь. А вот дети... Дети продолжали воевать.

«Среди нас были 14–15-летние, прошедшие с отцами полвойны, – вспоминает сегодня Анатолий Васильевич Мамаев. – Для них все немцы были фашистами. Их ненависть передавалась нам, малышам. Никакой дружбы между нами и немцами-сверстниками быть не могло».

Одно из развлечений советских пацанов в бывшем прусском Гросс Курене – «подложить немке мину». «Мину» изготавливали из подручных средств – медных трубок и пороха, которого вдоволь было в лесах и полях. «Мина» была не настоящая, серьёзного ущерба причинить не могла. Её закапывали в огороде какой-нибудь немки, к «мине» делали пороховую дорожку и ждали. Выходила немка, начала ковыряться в огороде. Пороховую дорожку поджигали, «мина» взрывалась, немка падала между грядок, закрыв голову руками. Смешно же ведь, правда?

У того поколения вообще были опасные детские игры. Например, «детскими игрушками» служили самые настоящие немецкие истребители, свезённые взрослыми в «укромное место», на краю действующего аэродрома в приморском Донском. Здесь пацаны развлекались тем, что разбирали снаряды из боекомплекта немецких истребителей. Это развлечение закончилось трагедией: разбираемый снаряд от авиапушки взорвался в руках у одного из мальчишек.

Анатолий Васильевич, тогда просто Толик, помнит, как один из пацанов усаживал своего раненого брата на велосипед, рукой придерживая живот последнего, из которого вываливались внутренности. Второму осколок снаряда пробил плечо. Раненых довели до санчасти, они выжили, а взрослым перепуганные пацаны сказали, что на них напали немцы.

Гарнизон подняли по тревоге. Немецкое население попряталось по углам, немцы понимали, что если информация о нападении подтвердится, то... Информация не подтвердилась. Пацанов наказали, немецкие истребители разоружили.

Вернёмся к детской советско-германской войне, продолжавшейся и после 1945 года. Зимой 1946-го в посёлке произошло очередное ЧП. На льду замёрзшего пруда подрались советские и немецкие мальчишки. Драку начали немцы, они потребовали, чтобы русские ушли с пруда, на котором катались на коньках, поскольку и пруд, и коньки – немецкие. Коньки действительно были «трофейные», немецкие. Но, по мнению наших, не немцам в 1946 году было «качать права». В драке сильно досталось пятнадцатилетнему Вадиму, сыну советского офицера. После битвы на льду гросскуренского пруда Вадим сбегал домой, схватил свой трофейный пистолет (а оружие тогда было у любого пацана и не только), вызвал обидчика из дома и выстрелил в него... Немец выжил.

Но после этого немцы Вадима боялись.

Анатолий Васильевич вспоминает, что этот Вадим немцев ненавидел. Он, переживший войну и голод, считал всех немцев фашистами.

Именно Вадим сыграл решающую роль в истории с «кораблекрушением». Рядом с прудом, по которому на цинковой ванне Толик с пацанами совершали свои полные приключений «кругосветные» путешествия, в старом немецком доме с гербом над крыльцом жили немцы: две немки и сын одной из них Манфред. Манфред действовал русским сверстникам на нервы: наши пацаны летом бегали по посёлку босиком, в трусах и майках, а этот ходил всегда в чистых вельветовых шортах, поглаженной рубашечке и «клумпах» – деревянных башмаках-колодках. Немки за Манфредом присматривали, стараясь максимально ограничить его контакты с русскими. Но в тот день не доглядели. Манфред сам подошёл к советским пацанам в цинковой ванне и попросился сплавать. Его дружелюбно отправили в свободное плавание. Правда, перед этим вынув пару пробок в днище «корабля». К восторгу русских пацанов Манфред начал тонуть вместе с «кораблём» на середине пруда, где глубина была неизвестна ни ему, ни им. Манфред заорал, позвал «муттер», и тут его «корабль» перевернулся. Глубина была Манфреду по горло. Прибежавшие на крики «муттер» и «ома» (бабушка) вытащили перепуганного и чумазого Манфреда, потерявшего свои клумпы, из пруда, а заодно пару раз шлёпнули русских пацанов по их мягким местам.

«Мы были возмущены, – вспоминает Анатолий Васильевич Мамаев. – Нас, русских, немка отшлёпала! В посёлке мы играли в войну с настоящими винтовками «маузер» – незаряженными, зато были штыки. Вот с ними и с криками «ура» мы побежали к дому Манфреда. Его мать вышла на крыльцо, быстро нас разоружила и опять надавала по мягким местам. Это был вообще позор...»

Пацаны отправились за подкреплением. «Вместе с нами Вадим пришёл к дому Манфреда, – рассказывает Анатолий Васильевич. – Две немки стали перед ним на колени. Они просили не убивать их и не забирать мальчишку. Матери Манфреда среди них не было – она готовилась защищать сына. Вадим погрозил им пальцем и ушёл. Немки вынесли все наши винтовки и штык-ножи, сложили всё это возле наших ног. Победа! Мы разобрали оружие и побежали играть. Манфреда в посёлке я больше не видел».

А потом был Калининград. Здесь Толик пошёл в школу. Первую калининградскую школу. Она так и называлась: школа номер 1. «Один учебник на шестерых: книги выдавали на группу учеников, которые жили по соседству, – рассказывает Анатолий Васильевич. – У меня родная речь, у другого арифметика, у третьего русский язык. Сделал родную речь, идёшь с ней за арифметикой и так далее, по кругу... Иногда заиграешься, вечером вспомнишь, что надо бы домашнее задание сделать, а у кого учебник – не помнишь. Бегать по посёлку, искать? Не, лучше поиграю ещё немного...»

Впрочем, не было не только учебников. Одно из воспоминаний Анатолия Васильевича о том периоде своей жизни – это отец, при свете свечи (электричество часто отключалось) дома сшивающий листы бумаги, на которой можно было писать карандашом, в некое подобие тетрадей для сына. Потом эти тетради надо было ещё и расчертить...

Одно из самых ярких воспоминаний этого периода – зима 1946–1947 годов. Она была очень суровой. Анатолий Васильевич рассказывает: «В школу из Воздушного посёлка мы ходили по трамвайным рельсам. На нынешней Фестивальной аллее стояло много белых немецких трамваев, в них лавочки вдоль бортов шли. И вот идём мы в школу, бегаем по этим трамваям, а нам навстречу – немцы с большими двухколёсными тележками. На тележках трупы. Умерших немцы свозили к кирхе на проспекте Мира, сейчас на её месте построили современную лютеранскую церковь. Перед кирхой стоял памятник Христу, несущему свой крест. И надпись по-немецки: «Иди за мной». Мы, мальчишки, всегда жалели Христа. Он такой маленький, а крест несёт такой большой. Вот к этому памятнику и свозили умерших немцев. С немецкой аккуратностью их складывали в штабеля за кирхой. Мальчишеское любопытство гнало нас посмотреть на эти штабеля. Мёртвые немцы лежали голые, только на нижнюю часть тел надевали мешки из рогожи. В ту зиму одежда мёртвых была нужна живым. Когда стало потеплее, их там и похоронили, на католическом кладбище».

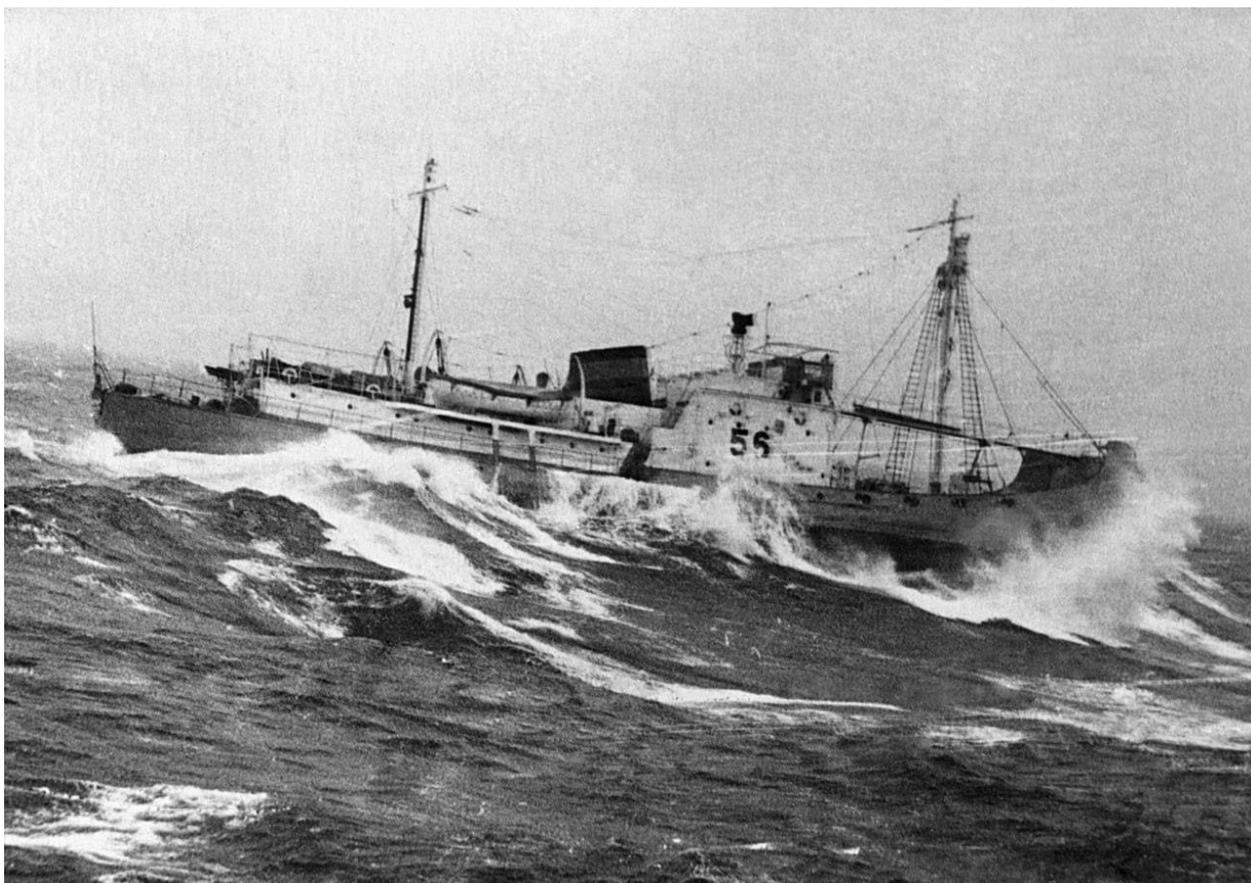
Это очень важный момент в нашей истории. То поколение, представители которого в шестидесятых пойдут к Антарктиде добывать китов, пережило голод. Конечно, отец Анатолия Васильевича получал хороший продуктовый паёк, но голод был неотъемлемой частью первых послевоенных лет. Дети войны видели страдания от голода собственными глазами, многие из них голод пережили... Он навсегда впечатался в их психику, подсознательный страх остаться без еды будет с ними всю их жизнь, как у миллионов представителей того поколения.

Поэтому, когда в шестидесятых партия и правительство им сказали, что надо на семь–восемь месяцев (а именно столько длились рейсы легендарной калининградской «китобойки») идти к Антарктиде и там бить китов, спасая страну от продовольственного кризиса, это не было для них просто красивыми словами.

Романтика

В свои 17 лет Толик стал кочегаром на спасательном буксире с паровым двигателем. На буксир Анатолий поступил матросом. Рейс – в Северную Атлантику и обратно. Но на отход не явился кочегар, ушли без него, и кто-то из команды должен был выполнять его тяжёлую работу. Этим «кем-то» стал Анатолий.

Анатолий Васильевич пишет в своей книге «Моменты воспоминаний. Морские рассказы»: кочегар на пароходе – очень важный специалист. Хорошего кочегара ещё надо было найти. Опытного кочегара было сразу видно по его личной кочегарской лопате, с которой соискатель приходил устраиваться на судно. Правильная лопата была подобрана по весу и длине черенка. Ну, а если кочегар ещё и не пил, хотя бы во время рейса, он был вообще на вес золота.

Китобоец флотилии «Юрий Долгорукий» во время охоты. Фото из книги Анатолия Мамаева «Моменты воспоминаний. Морские рассказы»

В море выяснилось, что морская романтика и вахты кочегара у жаркой топки судовой машины – абсолютно разные вещи. В вахтах романтики не было вообще. Был невероятно тяжёлый труд, три чайника тёплой воды, которые кочегар выпивал за вахту, угольная пыль, проникавшая везде и забивающая нос и горло...

Вот тогда-то Толик и решил, что больше в море он – ни ногой. А потом ему стало всё равно. Всё, чего он хотел, это спать. После вахты Толик падал на свою койку, не умывшись, не поев, оставляя на простынях чёрные пятна от угольной пыли, чтобы провалиться в сон. Провалиться до того ужасного момента, когда кто-то из команды разбудит его, трясая, и сообщит, что пора на новую вахту. Толик перестал есть, мыться, на вопросы отвечал невпопад или не отвечал вообще.

После очередной вахты члены команды во главе с опытным боцманом аккуратно взяли Толика «под белые ручки» и поставили под душ. Отмыв, так же бережно отвели на камбуз (кухню, по-морскому), заставили съесть свежеприготовленный обед и только потом отпустили спать.

Такое происходило несколько раз, пока Толик-кочегар не стал выполнять весь этот обязательный ритуал самостоятельно. Вскоре привык. Как вспоминает Анатолий Васильевич, потом он даже находил время посмотреть фильм вместе с командой или прочитать несколько страниц взятой с собой в рейс книги...

ГЛАВА 3. ГОЛОД, КОТОРЫЙ ОНИ ЗНАЛИ

УП: Про военный голод... Я не смогла дочитать...

От автора. Отступление 1

В книге «Киты и люди» есть одна «фишка». Она не уникальна, но оригинальна. Эта книга пишется в «открытом режиме». То есть любой желающий может наблюдать за процессом, куда автора заносит и куда его потом выносит. И не только наблюдать. Может написать свой комментарий по поводу фактуры, стиля и манеры изложения. Может написать свои пожелания и идеи. Мы это только приветствуем.

Я очень благодарен читательнице Катерине за её критику. Учту. Особенно за её замечание, что, к счастью, современный молодой читатель не знает, что такое голод. Нет, они знают, что голод – это когда нечего есть. Но эмоционального окраса, понимания не мозгом, а душой, нет. Повторюсь ещё раз: к счастью. А вот у меня благодаря писателю Юрию Иванову есть. И я хотел бы этим поделиться.

Блокадный «лайфхак»

В шестидесятые годы прошлого века Юрий Иванов ещё пробовал себя в писательстве. А ещё он, переживший ленинградскую блокаду и мечтавший о морских приключениях с детства, учился в Калининградской школе гарпунёров. Школа готовила специалистов этого профиля для китобойной флотилии «Юрий Долгорукий». Выпускной экзамен в школе – выстрел из гарпунной пушки в резиновый пузырь, изображающий кита. Юрий Иванов экзамен не сдал. Представил, что его гарпун врезается в живого кита, и промахнулся. Возможно, если бы не этот промах, мы бы сейчас говорили о легендарном гарпунёре флотилии, может быть даже Герое Социалистического труда, Юрии Иванове. Но Юрий промахнулся. Он не стал гарпунёром, он стал писателем.

Иванов написал много книг. Среди них «Танцы в крематории», очень важная книга для всех, живущих в современной Калининградской области. Это его личные воспоминания о послевоенном советском городе К., Кёнигсберге-Калининграде. Он, Юра Иванов, пришёл в этот город в 1945 году в составе музыкально-похоронной команды, где служил воспитанником, барабана на малом барабане. Как он пишет в своей книге, их команда больше копала братские могилы, чем играла...

А ещё у него есть книга «Мы шли под грохот канонады», вышедшая в 1978 году. Она тоже о пережитом Юрием Николаевичем. О Ленинградской блокаде. Книга выдержала несколько изданий и, переведённая на японский, вышла в Стране восходящего солнца.

Я с детства подсознательно избегал темы блокады. Для меня это было слишком тяжело. Это детское «слишком тяжело» догнало меня в возрасте 60+. Вместе

с коллегами из издательства «Калининградская книга» мы готовили к выпуску шестой том полного собрания сочинений Юрия Иванова. В него вошёл и роман «Мы шли под грохот канонады». Как редактор проекта, я вынужден был прочитать его самым внимательным образом, на который только способен. В результате Юрий Николаевич, ушедший от нас в 1998 году, умудрился в 2024-м сломать что-то внутри меня, в глубине моей психики. Знакомый филолог сказала, что это называется потрясением от прочитанного. Я пока не очень понимаю, что именно сломалось в моём внутреннем мире. Но теперь при слове «голод» я буду вспоминать именно эту книгу.

Я буду вспоминать ленинградские блокадные «лайфхаки». «Лайфхак» – слово совсем не из того времени. Если его набрать в поисковике «Яндекса», то ваши знания обогатятся простыми способами приготовления лимонного пирога, ремонта сантехники, стирки носков, уборки квартиры, глажки вещей без отпаривателя, отмыывания пролитого лака для ногтей, натирания сыра без тёрки... В общем, в контексте блокады «лайфхак» – слово провокационно неуместное. Именно поэтому я его здесь и написал.

В романе Иванова есть такой момент: главный герой, ленинградский школьник Владимир Волков, «другое я» автора, в декабре 1941 года выходит на кухню своей квартиры. На улице минус тридцать, квартира не отапливается, водоснабжение давно отключено. На кухне лежит бабушка Володи. Она умерла ещё в начале месяца, но до конца месяца её не будут хоронить. Её хлебные карточки на 125 граммов хлеба в день можно отоваривать до конца месяца. В следующем месяце – нет. Карточки надо было получать лично, или предъявлять какой-либо документ, доказывающий, что получатель жив, но не может получить их лично. Утраченные карточки, потерянные, сгоревшие во время обстрела и бомбёжки города или отнятые уличными грабителями, не восстанавливались. Часто потеря хлебных карточек означала смерть.

Умиравший от голода осаждённый город считал каждую крошку блокадного хлеба, иногда на тридцать процентов состоящего из «включений» – отходов маслобойного производства, опилок и так далее. Поэтому ленинградцы, как правило, прятали своих умерших близких до конца месяца. Умершая бабушка Володи Волкова лежала на кухне. Из-за холода её труп не разлагался.

В квартире Волковых была отдельная кухня. В многочисленных ленинградских коммунальных кухнях были общие. Нередко трупы умерших близких хранили в тех же комнатах, где жили. Часто рядом с ними спали, если места не хватало. При других обстоятельствах я бы написал: «Представьте себя на месте Володи Волкова», но здесь это было бы слишком жестоко по отношению к читателю.

В романе, помимо многих художественно описанных подробностей блокадного быта, рассказывается о распространённых «продуктах питания» ленинградцев в то время. Один из них – казеиновый столярный клей. Это натуральный клей животного происхождения, основным веществом которого выступает казеин, получаемый из молочного белка («Википедия»).

Вот короткий фрагмент из романа, который приводится с разрешения правообладателей: «Когда Володя протянул маме плитку столярного клея, мама даже в ладоши захолопала. Это был отличный прозрачный клей, хоть газету читай, клей высшего качества, для краснодеревщиков. А то они такой клей покупают на рынке – чёрный или чёрно-коричневый, клей-«копытник», так его называют барыги на Сытном рынке.

Володя растопил печку, мама поставила на неё котелок с водой. Потом аккуратно, стараясь, чтобы не потерялась ни одна крупинка, наломала клей плоскогубцами на маленькие кусочки и несколько из них положила в кастрюлю. Это будет суп «клеёвка», в него кладётся ещё какая-нибудь крупа, если, конечно, такая в доме

есть. Крупы было ложки три, и одну мама высыпала в кастрюлю. Соли потом туда немного, два лавровых листика.

Прижавшись друг к другу, накрывшись одеялом, они глядели в огонь и ждали. Вот уже вода закипела. Вкусно запахло лавровым листом...»

Несколько лавровых листов Володя и его мама случайно нашли в старом буфете на кухне. В том самом буфете, рядом с которым на двух табуретках лежала умершая бабушка.

Также в книге упоминается и рецепт «лаврового супа». Он очень прост. В кастрюлю воды, с трудом и голодными обмороками принесённой из ледяной проруби на Неве, кладутся два лавровых листа. Всё. Больше в доме ничего не было.

В романе использованы реальные архивные документы. Например, такое короткое сообщение из архива Пискаревского кладбища: «14 февраля (1942 года – прим. авт.) на кладбище было доставлено более десяти тысяч погибших от голода ленинградцев». Более десяти тысяч человек за один день... А ещё были обстрелы, бомбёжки, холод, преступность, людоедство, послевоенный голод в победившем Советском Союзе.

Так что, когда граждане СССР в конце пятидесятых столкнулись с продовольственным кризисом (это ещё не голод) и ростом цен на продукты питания, то... Они знали, что за этим может последовать. Голод – ключевое слово для понимания мотивации советских китобоев. Но вернёмся к истории флотилии.

ГЛАВА 4. «КИТОБОЙКА»

УП: Ну, вы нам расскажите про людей... Что носили, что ели, какую музыку слушали?

«Юрий Долгорукий» – плавбаза, давшая название китобойной флотилии, – не сразу стал «Юрием Долгоруким». Построенное на верфях Гамбурга в 1925 году пассажирское судно получило название в честь родного города. Более чем двухсотметровый в длину «Гамбург» сначала ходил на линии Гамбург–Нью-Йорк, а после всемирного экономического кризиса тридцатых годов совершал круизные рейсы к Бермудским островам. В 1940 году судно перебазировалось в Гдыню – польский город на Балтике. Он к этому моменту уже был захвачен немецкими войсками и переименован в Готенхафен. Здесь «Гамбург» служил как судно обеспечения учебного дивизиона подводных лодок. 5 мая 1945 года «Гамбург» затопили по приказу его капитана в трёх милях от порта Засниц.

В истории гибели «Гамбурга» есть немало белых пятен. Например, некоторые источники утверждают, что судно пошло на дно вместе с многочисленными беженцами на борту. Например, «Википедия» (да-да, я знаю: тот ещё источник...) пишет, что на судне находилось 10 000 человек и что «количество погибших никогда не подвергалось оценке».

Совместными усилиями советских военных моряков и специалистов Германской Демократической Республики «Гамбург» подняли в 1950 году. До этого год шли подготовительные работы.

Сначала поднятый «Гамбург» восстанавливали как пассажирское судно. Руководящие товарищи из ГДР решили передать его СССР. В дар, так сказать, советским трудящимся от трудящихся немецких. Это «в дар» было скрытой формой репараций, компенсаций Советскому Союзу, победившему и освободившему, как тогда писали в газетах социалистической Германии, немецких трудящихся от нацизма.

Китобоец флотилии «Юрий Долгорукий» в Антарктике. Фото из книги Анатолия Мамаева «Моменты воспоминаний. Морские рассказы»

Когда судно было уже почти готово, получатель дара объяснил немецким товарищам, что с пассажирскими судами в СССР всё в порядке. Например, трофейные, однотипные с «Гамбургом» суда, переименованные в «Адмирал Нахимов» и «Советский Союз», исправно работают на пассажирских линиях. А вот от ещё одной китобойной базы (в то время в СССР уже работали четыре китобойных флотилии на Украине и Дальнем Востоке) получатель дара не отказался бы.

Немецкие товарищи пожелания товарищей советских услышали. Почти готовый пассажирский лайнер начали срочно переделывать в китобазу. В корпусе судна прорезали огромный слип – по нему на разделочную палубу должны были затаскивать добытых китов. А также оборудовали современные по тем временам цеха разделки китов, жироварню, цех кормовой муки и китового мяса и даже некий экспериментальный цех вакуумной переработки сала!

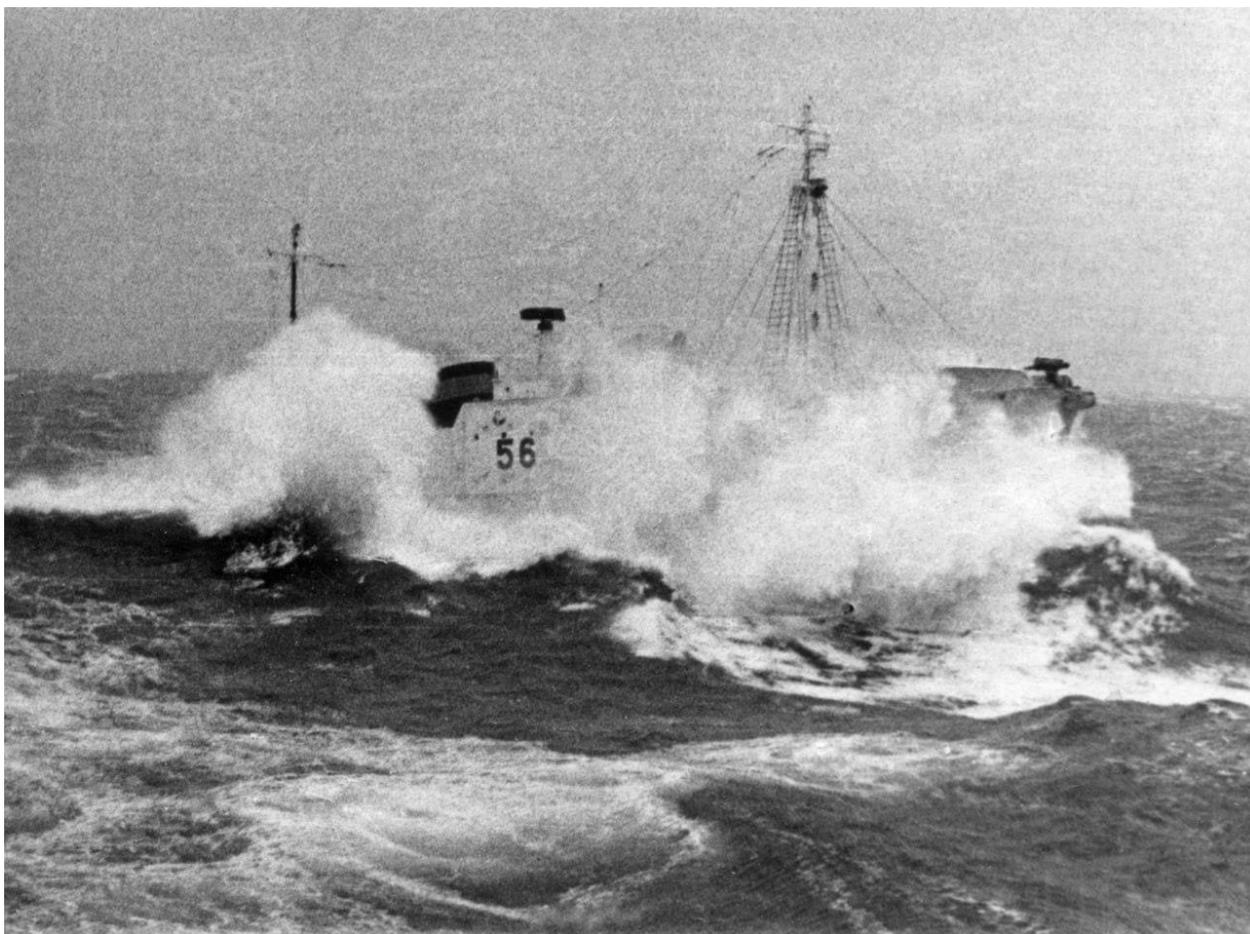
Летом 1959 года на бывшем немецком «Гамбурге» подняли советский красный флаг, а судно переименовали в «Юрия Долгорукого». На память о пассажирском «Гамбурге» «Юрию Долгорукому» достались просторные комфортабельные каюты, некоторые даже – отделанные ценными породами дерева.

Это был целый плавучий завод с «населением» в пятьсот человек команды. Обратимся к документам флотилии, хранящимся в Государственном архиве Калининградской области. Итак, на базе было 172 жилых помещения на 521 койко-место, две столовых, камбуз для приготовления пищи на шестьсот человек, настоящий госпиталь, состоящий из хирургического, стоматологического, физиотерапевтического отделений, рентген-кабинета, амбулатории, лазарета, изолятора, аптеки. На судне были установлены механические прачечные, в том числе и для индивидуальной стирки, сушилки и гладильни. Также работали парикмахерская, обувная и портновская мастерские, судовые магазины. Во время рейса, среди айсбергов Антарктики, на «Юрии Долгоруком» работала школа рабочей молодёжи, для чего в

рейс брали учителей из калининградских школ, и выпускалась (типографским способом!) газета «Калининградский китобой», для чего в рейс брали журналистов из городских газет...

А ещё во время рейса на базе (сами моряки называли её «Юрой» или «мамой») активно занимались наукой, для чего в рейс уходили сотрудники научно-исследовательских институтов. Учёные в специальной лаборатории изучали китов, океан и... последствия промышленной добычи китов.

Совсем иные условия были на китобойцах – маленьких, с экипажем в тридцать человек, судах-охотниках с мощной силовой установкой и гарпунной пушкой на носу. Китобойцы непосредственно брали китов и буксировали их к базе. Названия всех охотников флотилии «Юрий Долгорукий» начинались на «С»: «Скорый», «Смелый», «Совершенный», «Скромный», «Секущий», «Старательный»... Почему прилагательные и почему на «С»? Даже ветераны флотилии этого не знают. Просто морское начальство в Москве в своей вековой мудрости так решило...

Китобоец во время шторма. Фото из книги Анатолия Мамаева «Моменты воспоминаний. Морские рассказы»

На построенных в Николаеве китобойцах проекта «Мирный» не было кают, обшитых деревом, парикмахерских и прочих благ. Тесные каюты, заставленные необходимыми припасами коридоры, одни и те же лица перед глазами и тяжёлая работа...

Ветераны флотилии, ходившие на китобойцах, не сговариваясь, называли ещё одну «прелесть» жизни на охотнике: качка. База была большой и тяжёлой, и чтобы люди на ней почувствовали качку, морю-океану надо было постараться. Другое дело – маленький китобоец. Писатель Аркадий Сахнин в книге «Охота на китов»

рассказывает историю, приключившуюся с моряками китобойной флотилии «Советская Украина». Им «повезло»: в районе промысла флотилия попала в сильный шторм, бушевавший неделю. Моряки китобойцев были измучены до предела: спать в такой качке было невозможно, чуть моряк расслаблялся, как вылетал из койки на пол каюты. Люди были на пределе. Тогда капитан – директор флотилии принял решение: нашли большой айсберг, за ним спрятались от ветра и волн, и вся флотилия легла отсыпаться. Кроме вахтенных, разумеется.

Это исключительный случай. Как правило, охота на китов не прекращалась даже в самые сильные шторма. Особенно «любили» качку «бочковые» – марсовые матросы. Их работа – «наблюдать китов» из «бочки» на самом конце мачты китобойца. Даже в относительно несильное волнение «бочковые» привязывали себя к мачте, чтобы не вылететь из «бочки», как из катапульты.

Непереносимость морской болезни поставила крест на немалом количестве только начинающих карьер моряков. Представьте себе: мальчишка мечтает о море, поступает в «мореходку», учится на штурманском, на капитана, и вот уходит на практику в реальное море. А там... В результате человек, так близко подошедший к реализации своей мечты, списывается с судна на берег...

Кто-то зеленел и ложился на койку при небольшом волнении, а кому-то и девять баллов были нипочём. Один из ветеранов калининградской «китобойки» вспоминает, как они с приятелем возвращались с практики, которую проходили на судах Дальневосточной китобойной флотилии. Во Владивостоке им с трудом (при помощи подарков кассирше) удалось получить два билета на авиарейс до Москвы. Им досталось два места возле самой кабины пилотов, и места были разделены проходом. Рейс был особый: им возвращался с гастролей оркестр Краснознамённого Киевского военного округа. Чтобы скрасить монотонность полёта, друзья-китобои решили выпить-закусить. Закуску и бутылку они передавали друг другу через проход между креслами. Их не остановила даже болтанка, в которую попал самолёт. Что им эта самолётная болтанка после девяти баллов в море? А потом появился командир воздушного судна. Разгневанный. Из-за его спины на китобоев укоризненно смотрела бортпроводница. Командир потребовал «немедленно прекратить, подумать о людях или хотя бы оглянуться». Китобои оглянулись. Оркестр Краснознамённого Киевского военного округа в полном составе уткнулся позеленевшими лицами в бумажные гигиенические пакеты и укоризненно смотрел на пре-красно себя чувствующих китобоев...

ГЛАВА 5. ТАКАЯ РАБОТА

УП: А они тогда вообще что-нибудь знали про экологию?

Итак, весной 1960 года флотилия «Юрий Долгорукий» (порт приписки Калининград) отправилась в свой первый рейс. Анатолий Васильевич Мамаев, моторист на китобойце «Скорый», через много лет очень подробно, в деталях опишет этот рейс в своих «Моменты воспоминаний». Мы приводим этот рассказ в нашем пере-сказе.

Начинается текст с архивной цитаты из областной газеты «Калининградская правда» за 20 мая 1961 года. Эта статья вышла уже после возвращения. В пафосной стилистике тех лет газета писала: «Первый рейс в Антарктику, продолжавшийся семь месяцев, для наших китобоев Антарктической китобойной флотилии “Юрий Долгорукий” был нелёгок. Тысячи миль сложного морского пути, шторма, снежные заряды и угрожающие столкновением с кораблями айсберги, многодневные поиски и многочасовая охота на китов – обычные и в то же время героические

будни китобойного промысла. Если к этому добавить, что большинство моряков флотилии вышло в Антарктику впервые и рейс для них был и учёбой, и практикой, станет ясно, сколько упорства, мужества, поистине неутомимой энергии проявили китобой-калининградцы, чтобы с честью выполнить государственное задание и социалистические обязательства, оправдать доверие Родины».

Гарпунёр у гарпунной пушки, момент выстрела в кита. Фото из книги Анатолия Мамаева «Моменты воспоминаний. Морские рассказы»

Такая тогда была журналистика – как говорил мой журналистский гуру Пётр Иванович Угроватов, «трубная». Обратите внимание: главное, с честью выполнить государственное задание и социалистические обязательства, пишет газета. В статье нет ничего про экологическую угрозу, катастрофические последствия для мировой экосистемы и так далее. Нет ни в этой, ни в других газетных статьях того времени. Не потому, что статью на такую тему и с такими выводами просто не примет редактор, не говоря уже о цензорах, специальных суровых мужчинах с военной выправкой, сидевших в кабинетах при издательствах и типографиях, без разрешающей печати которых не могла выйти ни одна статья во всех газетах Советского Союза.

Просто в тогдашнем общественном пространстве вопрос об экологических последствиях международного китобойного промысла не стоял. То есть советские люди (точно так же, как и мексиканские, американские, норвежские, японские, канадские и многие другие люди из стран, добывающих в то время китов) об этом не думали. Таких категорий не было в головах советских (и не только) людей от слова «вообще».

В статье «Калининградской правды» есть фраза: «угрожающие столкновением с кораблями айсберги». Это – не трубный советский пафос, а вполне себе

реальная угроза, с которой и столкнулся «Скорый», как пишет Анатолий Мамаев в своих воспоминаниях, в самом конце первого рейса, в апреле. Флотилия ушла в уругвайский порт Монте-Видео, а «Скорый», приняв на борт съёмочную группу студии «Ленкинохроника», получил специальное задание: присмотреть за норвежской китобойной флотилией, которая в конце сезона домой не ушла, а спряталась за одним из антарктических островов. Не исключено, что «норвеги» в нарушение международных правил нелегально бьют возле этого острова китов. Вот «Скорый» и отправили «посмотреть». А заодно, если версия подтвердится, заснять всё это безобразия на кинокамеры съёмочной группы в качестве вещественного доказательства.

Когда «Скорый» подошёл к норвежской флотилии, выяснилось, что снимать нечего. «Норвеги» спрятались за островом от шторма и промысла не вели. «Скорый» побежал в порт Монте-Видео догонять своих...

В это время в проливе Дрейка, где всё и происходило, бушевали шторма и снежные заряды. Для юных читателей поясню: снежный заряд – это когда снег, много снега, начинает резко идти, да так, что вокруг ничего не видно, потом резко перестает, чтобы через некоторое время пойти снова. И так – днями. А тут ещё на «Скором» вышел из строя радиолокатор.

Тем не менее «Скорый» шёл к своим на полном ходу.

К снежным зарядам, айсбергам и полетевшему радару добавилось ещё и обледенение судна. С обледенением боролись все члены экипажа, свободные от вахты. Лёд скалывали вручную. На берегу инженеры придумали специальную установку, она должна была производить на китобойце горячую воду, которой обливали наросты льда, чтобы они таяли. Но что великолепно работает на берегу, не всегда работает в море. В море умный (на берегу) механизм производил скорее тёплую, чем горячую воду. Поливать такой водой обледеневшую палубу судна – значит работать на обледенение, а не бороться с ним. А если не бороться с обледенением – судно перевернётся...

При этом капитан «Скорого» курс и скорость не менял. Китобоец бежал к своим на полном ходу, несмотря на опасности. В пять утра шестого апреля «Скорый» столкнулся с айсбергом.

Моторист Мамаев в это время стоял вахту в машинном отделении. В машине жара, качка, выхлопные газы, тяжёлая физическая работа, убийственная вибрация и адский шум. У мотористов и механиков тех времён – свой персональный ад. Машинное отделение, называется.

И вот в этот персональный ад с мостика приходят две команды. Первая – «стоп машина», и сразу за ней – «полный назад». Команды разные, но для моряка они означают одно: судну грозит опасность столкновения и на мостике пытаются «резко нажать на тормоза». Удар, один из мотористов «Скорого» улетает к борту. Потом – скрежет, и... судно накренилось. Накренилось и восстанавливаться явно не собирается. Анатолий Мамаев пишет: «Мы, находясь в полной неизвестности относительно происходящего, оторопев от неожиданности и страха, уцепившись за конторку и трубопроводы, с трудом удерживались на наклонной палубе, ожидая конца. В какой-то момент крен судна замедлился, а затем и вовсе прекратился, остановившись на отметке кренометра 25 градусов. По внутрисудовой связи голосом и звуком звонка на судне была объявлена общесудовая тревога».

Перерыв во время аврала – борьбы с обледенением судна. Фото из книги Анатолия Мамаева «Моменты воспоминаний. Морские рассказы»

Моряки, стоящие вахту в машинном отделении, не знали, что случилось. Но они понимали, что случилось что-то серьёзное. На одной из встреч с ветеранами флотилии участники проекта спросили Анатолия Васильевича, что он чувствовал в тот момент. «Конечно, страх, – спокойно ответил им китобой. – Как и все, кто был в “машине”». Капитанский мостик молчал, наверху что-то происходило. Моряки в машине отправили наверх моториста разузнать, что и как. Моторист ушёл и... не вернулся. Эта деталь важна для понимания эмоций моряков, оставшихся в машинном отделении. Представьте себя на их месте.

«Скорый» столкнулся с айсбергом. Айсберг заметили ещё до столкновения, точнее, почувствовали: постоянно дул сильный холодный ветер, и вдруг резко прекратился. Значит, что-то большое и невидимое в темноте закрыло китобоец от ветра. И это огромное что-то совсем рядом. На мостике дали машине команды «стоп» и «полный назад», но китобоец (не путайте: китобоец – судно, китобой – человек) по инерции въехал в айсберг. От айсберга отвалилась ледяная глыба. Она упала прямо на нос судна, свернув гарпунную пушку, безжизненно повисшую за бортом. Глыба так и осталась на носу, сама по себе соскользнуть за борт она явно не собиралась. Её тоже потом придётся скалывать вручную. Нашёлся и пропавший моторист. У него от страха прихватило живот, и он все события просидел в гальюне – туалете, на сухопутном языке. Также при осмотре судна выяснилось, что неустановленный кто-то пытался в одиночку спустить спасательную шлюпку, но у него ничего не получилось...

С горой таящего льда на носу, со свёрнутой гарпунной пушкой «Скорый», догнавший флотилию, появился на рейде Монте-Видео.

Моряки вспоминают, как уже на подходе к причалу «Скорый» встретили местные – катера и яхты маневрировали вокруг советского китобойца, иногда очень

опасно, а пассажиры на этих катерах и яхтах показывали пальцем в небо и кричали какое-то непонятное слово «гаги». Или «гага», толком этих уругвайцев и не разберёшь.

Когда советский китобоец пришвартовался, на причале также собралась толпа местных. Они улыбались, опять показывали пальцами в небо и кричали это своё непонятное: «Гага». Они пытались сообщить советским морякам что-то важное. «Их поведение и лица выражали искреннюю симпатию и доброжелательность. Мы же, до некоторых пор находясь в полном неведении о произошедшем в мире событии, не понимали, что всё это означает, что вообще происходит и чем вызвана такая тёплая встреча. Среди публики, желающей полюбоваться заходом китобойной флотилии в порт, оказалось много русских эмигрантов, которые и сообщили нам о полёте Ю.А. Гагарина в космос».

Так вот что случилось! Человек в космос полетел! Наш, советский! Гагарин – фамилия!

ГЛАВА 6. ПОЧЕМУ КИТЫ?

УП: А почему именно киты?

ЭП: Тут в двух словах не объяснишь...

В том числе и потому, что они большие. Взял одного кита, а получил вон сколько всего: мясо, жир, кости, шкура. Для древнего человека убить такое большое животное, как кит (или мамонт), – большая удача. И неважно, что всё мясо съесть сразу невозможно, и хранить его долго не получится, и что часть добычи обязательно пропадёт. Важно, что некоторое, пускай и короткое время, у племени всего будет вдоволь.

Добыча китов ради пищи – древнейшая тема. В разные моменты нашей общечеловеческой истории убийство китов – абсолютно нормально. Так же нормально, как сегодня нормально убийство ради пищи коров, свиней, кроликов (у них такие милые ушки и хвостики), кур, индюков. И ещё нескольких сотен видов живых существ, коих человек убивает, чтобы выжить самому.

А есть ещё такая штука как технический прогресс. В рамках проекта участники посетили ихтиологический музей Калининградского технического университета. Экскурсию для нас провёл Олег Анатольевич Новожилов, директор института рыболовства и аквакультуры. Экскурсия Олега Анатольевича – прекрасный пример того, как просто и интересно говорить о сложных вещах. Информации – море. Например, в середине XIX века ворвань, она же китовый жир, массово использовалась для специальных масляных светильников. Вот что об этом пишет Дзен-канал «История экономики» в статье «От китового жира к керосину. Как поиски эффективного ночного освещения привели к появлению нефтяной промышленности»: «Идеальным материалом для таких светильников был китовый жир, который начиная с XVI–XVII веков уверенно устранял конкурентов. Да, он имел те же недостатки, что и любое другое топливо, плюс ко всему отвратительно вонял, но зато давал более яркий свет, чем всё остальное, а ещё его было много и он был дешёв. В 1808 году галлон китового жира стоил 0,08 доллара, но времена стремительно менялись: с одной стороны, резко вырос спрос на осветительное масло (за первую четверть XIX века потребление увеличилось втрое), а с другой – банально перестало хватать китов. В тот момент самые крупные млекопитающие планеты находились на грани истребления, а китобоям в поисках добычи приходилось совершать всё более дальние и всё более долгие плавания, причём случалось, что корабли возвращались пустыми, что раньше трудно было себе даже представить. В результате уже в 1840

году цена на китовый жир достигла 2,50 доллара за галлон, то есть стала запредельно высокой даже для среднего класса».

Но это экономика. А есть ещё один, связанный с китобойным промыслом и совершенно не поддающийся прогнозам аспект человеческой деятельности. О нём нам тоже рассказал Олег Новожилов. Это женская мода. Начиная с XVII века для изготовления такого предмета женского предназначения, как корсет, стали активно использовать китовый ус...

ГЛАВА 7. ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ США!

УП: Ого, я про это ничего не знал...

Понятно, что в XX веке промышленно развитые страны добывали и перерабатывали китов не ради производства практически не носимых женщинами корсетов. Это была уже совсем другая промышленная история.

Взять хотя бы мою Родину – СССР. В шестидесятые годы прошлого века советский промышленный китобойный промысел стал одним из инструментов в постоянном соревновании двух великих держав, СССР и США. «Догнать и перегнать Америку» – под таким лозунгом некоторое время жила советская экономика. Впрочем, всё по порядку.

Нижеследующий текст – краткое (и довольно вольное) изложение лекции Дмитрия Манкевича, кандидата исторических наук и преподавателя БФУ имени Канта. Свою лекцию Дмитрий Владимирович прочитал в калининградском музее «Дом китобоя» в рамках проекта «Китобои: Страну надо кормить».

Итак, сегодня мы живём в обществе потребления. Еды и других товаров – море, были бы деньги. Представить себя в ситуации, когда деньги есть, а, например, белого батона нет неделями, очень сложно. Или, опять же, – очередь за молоком человек из двадцати в магазине. При этом, если ты придёшь в магазин в обед, очереди уже нет, потому что молока тоже нет, и, если тебе нужно молоко, приходи в магазин завтра с утра пораньше и становись в очередь. Или известный всем советским людям вопрос: «Что дают?» Идёт человек по улице, видит длинную очередь. Подходит, спрашивает: «Что дают?» Ему отвечают: «Колбасу». Спрашивающий занимает очередь. Обратите внимание, человек не уточняет, какую именно колбасу «дают», но тем не менее занимает очередь... Всего этого в лекции Дмитрия Владимировича не было. Он говорил, что поколению современных студентов, в том числе и будущим историкам, трудно понять, что такое товарный дефицит, бушевавший в Советском Союзе в пятидесятые–шестидесятые годы прошлого века.

Но для начала надо разобраться, что это за страна была – Советский Союз пятидесятых–шестидесятых, какие задачи тогда стояли и как она вынуждена была эти задачи решать. Во-первых, население страны росло. И это – после демографической катастрофы 1941–1945 годов. Ещё один важный момент: в пятидесятые и в начале шестидесятых прошлого века в СССР наметилась тенденция к увеличению продолжительности жизни. По показателям в этот период Советский Союз максимально приблизился к Западной Германии, Канаде, Франции и другим ведущим капиталистическим странам. Потом, правда, в брежневские годы, эта радостная тенденция приказала долго жить и продолжительность жизни в СССР снова начала серьёзно отставать от продолжительности жизни на загнивающем капиталистическом Западе. Но

это потом. А пока продолжительность среднестатистической советской жизни растёт. И население растёт. Но – вот она, загадочная наука демография: население растёт, продолжительность жизни растёт, а вот рождаемость... снижается.

Ещё один важный демографический нюанс: в Советском Союзе образца 1959 года немало, но гораздо меньше, чем могло бы быть, молодых (и не старых) мужчин трудоспособного возраста. Много советских мужчин навсегда остались в военной статистике безвозвратных потерь. В военной и послевоенной, поскольку уже после той великой Победы многие ветераны войны умирали от ран.

И ещё один, и тоже важный, демографический нюанс: в начале шестидесятых статистика показала, что впервые в истории нашей страны городское население превышает население сельское. То есть городское население растёт, нагрузка на сельского производителя продуктов питания – тоже.

А ещё в начале шестидесятых была такая штука, как Холодная война – противостояние двух разных идеологий, систем, понимания жизни. Лидер одного из двух противоборствующих лагерей, Советский Союз, должен был заботиться и о своих многочисленных союзниках. Тех, которые уже приняли социализм, и тех, в которых он ещё только мог появиться. На продвижение социализма во всём мире уходили очень большие деньги.

Цитируем Дмитрия Владимировича: «Почему это важно? Не только потому что это отвлекло часть ресурсов из страны, в том числе и иногда продовольственных, но и потому что военный и гражданский флоты воспринимались как важный инструмент влияния в разных регионах планеты, как некая “мягкая сила”... Конечно, флотилии советских рыбаков, китобоев, были частью этого “мягкого влияния”».

Продовольственная безопасность была составной частью безопасности стратегической, актуальной не только для СССР, но и для целого блока социалистических стран.

Историки и экономисты отмечают, что в начале шестидесятых годов прошлого века доходы советского населения растут. С одной стороны. С другой – население СССР тратило «на жизнь» практически всё, что зарабатывало, каких-либо серьёзных накоплений в сберкассах оно не оставляло.

О качестве жизни населения той или иной страны очень многое говорит то, как это самое население питается. В СССР данные о питании населения долгое время были закрыты, но сегодня мы можем говорить о том, как питались советские люди в пятидесятых–шестидесятых годах прошлого века. Например, сравнить данные среднедушевого потребления основных продуктов питания различными категориями населения РСФСР в 1959 году. Рацион питания советского человека перестал быть «хлебно-картофельным», каким он был в послевоенные голодные годы. Советские люди стали есть больше мяса, потреблять гораздо больше молочных продуктов и овощей. Яйца! Среднестатистический советский человек начала шестидесятых съедал среднестатистическое яйцо в два дня!

Десятилетие с 1954 по 1964 годы назовут «великим десятилетием». Оно, «хрущёвское», действительно великое, вобрало в себя массу исторических событий: десталинизацию, запуск первого спутника, полёт Гагарина в космос и так далее, и так далее. Для этого десятилетия характерен зашкаливающий оптимизм советского народа. Тогда советскому народу казалось, что «нам нет преград ни в море, ни на суше, нам не страшны ни льды, ни облака. Пламя души своей, пламя страны моей мы пронесём через миры и века!» («Марш энтузиастов» Исаака Дунаевского и Анатолия Д’Актиля из кинофильма «Светлый путь», 1940 год). Эта песня часто звучит на концертах, её передают по радио, исполняют по внедряющемуся в жизнь советскому телевидению. И всё у нас хорошо, но среди проблем, стоящих перед пышущей оптимизмом страной, выделяется продовольственная проблема.

Её пытаются решать. Например, массово начинают осваивать целинные, не паханные земли в Северном Казахстане, Западной Сибири и на Южном Урале. Миллионы советских людей поехали осваивать Целину. В результате освоения целинных земель удалось увеличить в два-три раза производство зерна в стране. Но это сначала. Потом всё пошло совсем не так хорошо. Началось выветривание почв, целинная почва быстро беднела, не хватало опытных агрономов, понимающих, как нужно работать в этой особой зоне земледелия. Производство целинного зерна резко упало...

Понятно, что перед страной стояла уже совсем другая, чем в первые послевоенные годы, продовольственная проблема. Это не голод, он, к счастью, остался в прошлом, в сороковых. Задача, которую декларируют партия и правительство: повысить уровень жизни советских людей. В 1957 году, с подачи самого Никиты Сергеевича Хрущёва, перед страной ставится задача не просто повысить уровень, а «догнать и значительно превзойти Соединённые Штаты Америки по производству продуктов на душу населения». В первую очередь, догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока.

На местах начали выполнять эту установку «мудрой Коммунистической партии и советского правительства». Появились плакаты: «Новосибирские животноводы! В ближайшие годы догоним США по производству мяса, молока и масла на душу населения!», «В мирном соревновании догоним США! Дадим мяса 20–21 миллион тонн!» Ну, и так далее. На плакатах – советские колхозники и колхозницы с ведрами, молочными бидонами, поросятами, цыплятами, граблями, тракторами, свиньями, гусями и проч. Плакатные колхозники и колхозницы светятся белозубыми улыбками, показывая, что поставленная партией и правительством задача «догнать и перегнать Америку» им явно по плечу.

Задача была сверхамбициозной. Реализация этого «догоним и перегоним», помимо всего прочего, должна была показать преимущество социализма над капитализмом. Это было не просто соревнование двух экономик. Это было соревнование двух идеологий, двух мироустройств. В ход шло всё: массовое разведение кукурузы, развитие китобойного промысла и так далее. Статистика, поступающая с мест в центр, была просто прекрасной. К сожалению, современные исследователи утверждают, что эта «хорошая статистика» фальсифицировалась. Руководители на местах подавали вверх рапорты, в которых успехи регионального сельского хозяйства сильно преувеличивались. В результате вал фальсификаций рос, а браурная статистика перестала отражать реальное положение вещей.

Цитируем Дмитрия Владимировича Манкевича: «Считается, что фальсификации (отчётной сельхозстатистики – прим. авт.) конца пятидесятых – начала шестидесятых были самыми масштабными в советской истории».

Установку руководства СССР «догнать и перегнать Америку!» выполняли всеми способами, в том числе и довольно странными. Одна из таких странных мер – наступление на подсобные хозяйства жителей городов и рабочих посёлков. Многие горожане имели свои подсобные хозяйства, огороды, сады, держали домашний скот. Власти запретили им держать какой-либо скот в домохозяйствах. Решительная мера коснулась 12 миллионов (!) советских семей, которые должны были передать кур, коров и поросят в колхозы и совхозы. Эти семьи стали массово забивать свою скотину, ведь про мясо в постановлениях партии и правительства ничего не было сказано. Попавшие под эту «мудрую» меру горожане предпочитали свою скотину забить и съесть. Всё привело к тому, что выросла нагрузка на торговлю и сельское хозяйство. Если раньше горожане с подсобным хозяйством сами обеспечивали себя мясом, овощами, яйцами или молоком, то сейчас всё это 12 миллионам семей пришлось покупать в магазинах, а сельскому хозяйству – производить...

Другая реформа: ликвидация МТС. В данном случае МТС – это машинно-тракторная станция, некий государственный машинный двор, где хранятся трактора, комбайны и другие машины сельхозназначения. Колхозы и совхозы заключали договора с государственной МТС, и всё было в общем неплохо. Но партия и правительство решили, что будет лучше, если МТС расформировать, а технику предложить купить совхозам и колхозам, чтобы те сами её обслуживали и эксплуатировали. МТС с энтузиазмом расформировали, технику продали колхозам и совхозам, которые отказаться от этого «предложения» не могли. В результате тысячи опытных механизаторов МТС отказались переходить из рабочих в колхозники (не тот социальный статус, меньше заработка и так далее) и уехали в город. Но это ещё не все последствия. Колхозы с совхозами не всегда могли себе позволить купить трактор или комбайн. А покупать надо было, всё-таки постановление партии и правительства. Колхозы и совхозы залезли в долги на долгие годы...

И всё это – на фоне громких заявлений руководства страны. Например, Никита Хрущёв на XXII съезде Компартии Советского Союза (октябрь 1961 года) сказал: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Хрущёв ошибся. То поколение советских людей не стало жить при коммунизме, как и все последующие. Даже мясомолочное соревнование с Америкой (которая, впрочем, в этом соревновании не участвовала) Советский Союз проиграл. Одним из результатов этого исторического проигрыша стало повышение цен 1962 года. Произошло оно, разумеется, «по многочисленным просьбам трудящихся», за которые партия и правительство традиционно спрятали своё непопулярное решение. События в Новочеркасске показали настоящее отношение трудящихся к повышению цен на продукты питания сразу на 25 процентов. Вот как описывает Новочеркасскую трагедию «Википедия»: «Новочеркасский расстрел» – название исторических событий, произошедших в городе Новочеркасске Ростовской области РСФСР 1–3 июня 1962 года в результате забастовки рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода им. С. М. Будённого (НЭВЗ) и других горожан в ответ на повышение цен. Выступление было подавлено силами милиции, армии и КГБ СССР, а вся информация о новочеркасских событиях, в том числе о количестве погибших и раненых, была засекречена. По официальным данным, частично рассекреченным только в конце 1980-х годов, при штурме городского отдела милиции было убито 5 человек, при разгоне демонстрации 17, ещё 70 человек получили тяжёлые огнестрельные ранения. Позже вечером 2 июня было убито ещё 2 человека. На суде, состоявшемся в Новочеркасске 13–20 августа 1962 года, семерым из «зачинщиков» забастовки были вынесены смертные приговоры, и они были расстреляны, 103 человека получили сроки от 2 до 15 лет лишения свободы».

В 1963 году Советский Союз начал покупать зерно за границей...

Вот такой вот исторический и экономический фон. Понятно, что на таком фоне советский торговый и рыбопромысловый флот – это не просто торговый и рыбопромысловый флот. Это ещё и инструмент геополитического самоутверждения Советского Союза, демонстрация союзникам и врагам мощи первого социалистического государства. Ну, и демонстрация того, что у нас всё хорошо.

А сейчас небольшое, но важное отступление, достойное отдельной главы.

Колбаса и взрывчатка из китов

Киты – это не только ценное мясо, пищевое (для людей) и кормовое (для животных). Киты – это ещё и:

- кормовая мука,
- спирты для текстильной промышленности,
- витамин «А»,

- инсулин,
- нитроглицерин,
- глицерин,
- маргарин,
- техническое сало,
- парфюмерные изделия.

Дмитрий Тормосов, кандидат биологических наук, совершивший на «Юрии Долгоруком» несколько рейсов в составе научной группы, в 2005 году в интервью ГТРК «Янтарь» рассказывал: «Все маргарины (выпускаемые в Советском Союзе) в своей основе имели значительную часть жира китов. И тот маргарин считался хорошим... Мы жили в этом мире – голодуха, разруха. Конечно, это (китобойный промысел) была большая поддержка народному хозяйству, населению».

Его коллега, тоже кандидат биологических наук и тоже участник научных групп на «Юрии Долгоруком», Геннадий Будыленко в этом же видеосюжете сказал: «Из китового мяса готовили прекрасные продукты. Технические масла использовали в технике, с которыми у нас тогда было туго, плохо налажено... Если взять спермацет (воскоподобная жидкость, получаемая из кашалотов), то он и в космосе работал при минусовой температуре. Из жиров (китовых) готовили пороха, которые шли на (ракетные) ускорители. Об этом нигде ничего не рассказано».

Из китов делали всё, что угодно, в том числе и взрывчатку. По этой причине данные о добыче китов являлись и в некоторых ситуациях остаются до сих пор секретными.

Но вернёмся к краткому и вольному пересказу лекции Дмитрия Манкевича, а именно к некоторым осторожным выводам, сделанным историком:

- китобойный промысел – часть многолетней масштабной работы по развитию советской рыбной промышленности;
- вклад китобоев в советскую экономику велик и не исчерпывается пополнением продовольственных запасов страны;
- определить роль и место китобойного промысла в решении продовольственной проблемы на данный момент можно лишь приблизительно – требуются серьёзные архивные изыскания.

Авторский коллектив книги напоминает: мнение авторов отдельных глав, а также цитируемых спикеров может не совпадать с мнением остальных участников проекта.

ГЛАВА 8. КОЛБАСА И ВЗРЫВЧАТКА ИЗ КИТОВ, ИЛИ ОБРАТНАЯ СТОРОНА КИТОБОЙНОГО ПРОМЫСЛА *

УП: А кто ел китов? Никто не признаётся...

Киты: бить или не бить?

В этом тексте мы обратимся к лекции Ирины Байковой, сотрудника Музея Мирового океана. И в очередной раз поразмыслим над вопросом: стоило ли бить китов, чтобы накормить СССР?

* Глава написана Екатериной Ткачёвой.

✓ Калининградская база антарктической китобойной флотилии
«Юрий Долгорукий»

Китовый паспорт № 28
Заполняется на китобойце

1. Название китобойного судна Солидарный № к/с 64
2. Фамилия гарпунера Глюхин
3. Дата охоты 23.12 1965 г. Начало охоты 16 ч. 00 м.
4. Вид кита кашалот 01
5. Координаты места убоя кита 4-53°56'S 21-24°50'W 3
6. Расстояние (приблизительно) от места убоя до базы 35
7. Время загарпунивания 17.15 Время смерти 17.25
8. Поведение кита во время охоты спокойное 2
9. Количество одновременно встреченных китов и их поведение (если передвигались, то указать по какому курсу) — 01
10. Цвет, размер и форма пятен на воде (наличие планктона) —
11. Наличие других животных (птицы, тюлени), их название и количество — 00
12. Время начала буксировки кита 21.00
13. Время сдачи кита на базу —
14. Дополнительные замечания капитана и гарпунера —

23 декабря 1965 г. / Капитан В. В. В.

II. Заполняется на базе

1. Номер кита на базе 638
2. Время подъема кита на палубу (дата и час) 20⁰⁰ 26.12.65
3. Пол кита ♂
4. Длина кита в метрах 14,9
5. Толщина жирового слоя в условном месте (в см.) 14
6. Наличие и характер обрастания нет
7. Наличие эмбриона или молока у самок —
8. Дата и пол эмбриона —
9. Наличие наружных паразитов —
10. Степень наполнения желудка 3
11. Содержимое желудка Борит
12. Наличие внутренних паразитов —
13. Дополнительные сведения Убит зуб.

ПРИМЕЧАНИЕ: Пункты 4–5 второй части паспорта заполняются сотрудниками научной группы фотозащиты.

Руководитель научной группы

ММО 1/13
Ивв 3646

Тип: «К. П.», Зак. 15307, Тир. 5000, 21.9.1965 г.

Китовый паспорт (лицо, оборот) флотилии «Юрий Долгорукий». Из фонда Музея Мирового океана

«Весь китобойный промысел можно разделить на два этапа: упоение собственными успехами и неизбежная расплата», – считает Ирина Байкова, старший научный сотрудник отдела природы Музея Мирового океана.

«Первыми коммерческими китобоями были баски, – рассказывает Ирина, – они высматривали китов, потом мчались к ним на своих лёгких лодочках и выбивали детёнышей и самок – самую доступную добычу. Конечно же, китовое стадо быстро заканчивается. Чрезмерное и неразумное потребление привело к краху. XII век – начало XIV века: истреблены серые киты в европейских водах Атлантического океана. С 1868 года, с момента изобретения гарпунной пушки, человек приобрёл могущество, которым не смог правильно распорядиться. Теперь он мог догнать и убить любого кита. Человек приобрёл силу, а знания и мозг – ещё нет. С того момента люди превысили лимит и уничтожили огромное количество китов».

С 1910 года по настоящее время в Мировом океане было добыто 2,4 миллиона китов

В России китобойный промысел не был традиционным, в России китов не употребляли (кроме жителей Чукотки). Наш зверь – пушной зверь. Но в XX веке Советский Союз подключился к китобойному промыслу, и самая неприятная вещь началась, когда китобойные суда перешли в Антарктические воды.

Трудно предъявлять претензии самим китобоям, но были те, кто их посылал.

«По данным китовых паспортов, мы видим, – продолжает Ирина Байкова, – чтобы выполнить план, добывали шестиметровых кашалотов – это подростки. И даже добытым распорядиться могли не всегда эффективно. Платили за добытого кита, а не за переработанного, потому процент переработки китов был невысоким».

Из книги биолога Альфреда Берзина «Правда о советском китобойном промысле»: «Несмотря на острую необходимость в пищевом мясе, половину добытых финвалов сгноили» (отчёт научной группы флотилии «Советская Россия» за 1972–1973 годы). Для сравнения: выход продукции у японских китобоев был до 90%, у

советских – до 30%. Если японские разделщики не справлялись с обработкой китов, на разделочные палубы выходили все работники вспомогательных служб. Эти люди со специальными корзинами с ремнями через плечо большими ножами срезают, буквально счищали с костей мясо усатого кита. Одно дело, если речь о выживании, а если о жажде наживы – совсем другое. В 60-е годы в СССР киты не были единственным источником питания. Да, мяса было недостаточно, но была рыба!»

А пускать китов на то, чтобы кормить зверофермы и кур, – это, мягко говоря, неэффективно. Просто китобойная промышленность давала массу, весомые цифры к плану, к отчёту.

«В этом промысле все были жертвами – и китобои, и киты, и ученые», – считает Ирина Байкова.

Двойная бухгалтерия

Многие учёные-биологи ходили наблюдателями на китобойных судах, но их положение было двояким, и когда они пытались отстаивать свои позиции по защите китов от истребления, у них случались серьёзные конфликты с руководством китобойного промысла. По сути, ученые-наблюдатели не имели права голоса.

Представьте себе человека, который несколько лет собирает материал о каком-то виде китов, пишет диссертацию, становится кандидатом наук. А его труд грифуют «Секретно» и закрывают в шкаф. Да, он кандидат наук, но его никто не знает, он не имеет права ссылаться на свои работы.

Некоторые контролёры, профессиональные учёные-биологи, ходившие на китобойных судах в советское время, вели двойную бухгалтерию, сохраняя подлинные данные о добытых китах.

Т., кандидат биологических наук, который много лет возглавлял отдел морских млекопитающих в одном научно-исследовательском институте, до этого работал инспектором на китобойных судах. Долгие годы он прятал в погребе на даче почти 60 000 страниц отчётов, которые позднее предоставил Международной китобойной комиссии. Другой учёный-биолог, также ходивший на китобойцах в качестве учёного-наблюдателя, Альфред Берзин в 1993 году опубликовал книгу «Правда о советском китобойном промысле».

«Я не обвиняю непосредственно самих китобоев в том, что творилось на промысле китов, особенно в последние годы. Это было бы то же, что обвинять солдат в прегрешениях войны», – пишет Берзин. И приводит данные из своих отчетов: с 1956 года добыча горбатых китов повсеместно была запрещена. Но советские флотилии за два сезона 1965–1966 и 1966–1967 годы добывают: «Советская Россия» – 460, «Юрий Долгорукий» – 14 тысяч, а «Советская Украина» даже больше – 18 тысяч горбатых китов. За пять лет промысла горбатых китов было добыто 37 тысяч, а сообщено, что добыто всего 1,8 тысяч этих китов, то есть в 20 раз меньше!

Что такое кит? Зачем он?

«Долгие годы киту отводилась роль главного хищника в пищевой цепочке, потребителя, – говорит Ирина Байкова, – но сейчас ученые выяснили, что, истребив китов, люди нанесли колоссальный вред всему океану. А в конечном итоге – самим себе. Океанские экосистемы бедны фитопланктоном. Это мельчайшие организмы, которые продуцируют кислород в процессе фотосинтеза. Особенно оказываются обеднёнными фитопланктоном центральные части океана. А почему? Выяснилось, что одним из механизмов поддержания фитопланктона как раз были киты».

Есть такое явление, как китовый насос, когда китов было много, оно имело глобальный масштаб. Дело в том, что киты едят на глубине, потом поднимаются на

поверхность и их испражнения, в которых содержится азот и фосфор, становятся важным удобрением. Без этих элементов жизнь невозможна. Вот вам и экологическая проблема, которую решают киты.

Киты усатые питаются крилем. Казалось бы, когда китов выбили, криля должно остаться много, но как бы не так! В фекалиях китов много железа, которое необходимо крилю для того, чтобы размножаться и поддерживать популяцию. Нет китов – нет и криля. Как-то «горячие головы» предложили: «Раз мы китов быстро не можем размножить, давайте нальем железа в океан!» Хорошо ещё, что не стали этого делать, одумались.

Учёные подсчитали стоимость экосистемных услуг кита – это два миллиона долларов! И это не цена китового мяса, это то, что кит делает для всей планеты, для каждого из нас, а не для чьего-то кармана. Для того, чтобы человечество продолжало жить на этой планете. *

ГЛАВА 9. БОЛЬШАЯ ОХОТА НА БОЛЬШУЮ РЫБУ

УП: А Человек Труда обязательно должен тяжело трудиться?

ЭП: Видите ли, в чём дело, Полита...

Для начала – несколько разъяснений, уточнений, дополнений.

1. Эта книга – ещё не книга. Скорее, это так называемый публичный черновик будущей книги, текст которой в процессе работы будет редактироваться – и сильно. В том числе, с учётом пожеланий и критической обратной связи авторов этого текста и его читателей. Главы книги будут переставляться, переписываться, дописываться и так далее, и тому подобное. Творчество – дело такое.

2. Авторы книги знают, что кит – млекопитающее, а вовсе не рыба. Хотя нашими далёкими предками киты воспринимались именно как большая рыба. вспомните Петра Ершова, великого русского сказочника, написавшего «Конька-Горбунка» (внеклассное чтение для 1–3 классов):

*...Вот минутки через три
Мы приедем на поляну –
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо Рыба-кит.*

Очередная (короткая) справка, подготовленная УПом Максимом Гартманом: Киты – это морские млекопитающие, относящиеся к... парнокопытным (то есть родственники коз, жирафов, коров, бегемотов и так далее). Дальние предки китов – хищные копытные млекопитающие. Киты – одни из самых крупных млекопитающих в мире. Киты – животные с высокой социальной организацией. А ещё они самые умные животные на этой планете. Во всяком случае, одни из самых умных...

* Прочитавшие эту главу ветераны китобойной флотилии обращают внимание на «неточности» и «искажения». Например, заработок моряков китобойцев зависел не от того, сколько китов они возьмут, а от того, сколько китового жира произведут на базе. В этом отношении бить китов-подростков было просто невыгодно. А за добытых кормящих самок китов капитана и гарпунёра нещадно штрафовали.

Такая работа...

Среди обыденных тяжестей работы моряка ветераны советских китобойных флотилий часто называют монотонность. Распорядок дня плавбазы отличался от режима работы на маленьких китобойцах. На них – четыре часа несёшь вахту, то есть работаешь по своей специальности, из-за которой тебя и взяли в море, а восемь часов – ешь, спишь, моешься, стираешься, смотришь кино, готовишься к следующей вахте. И это при условии, что капитан не объявит аврал – срочную работу, на которую должен выйти весь экипаж китобойца, свободный от несения вахты. Например, на спасение судна от обледенения. Или, когда флотилия уже пришла к Антарктиде, в район промысла, все свободные от вахт собирались на мостике, получали «дальнобойные» морские бинокли и должны были «смотреть китов», высискивать китовые фонтаны в бескрайнем океане...

Чтобы понять, насколько тяжело жить в графике «четыре через восемь», давайте представим, что вы – член команды китобойца, например, «Скорого». И представьте, что в так, «четыре через восемь», вы ежедневно живёте... семь месяцев. Без выходных, отгулов, больничных, отпуска. Да, есть заходы в иностранные порты, увольнение на берег на несколько часов. Но основная жизнь советского моряка-китобоя – это изматывающие «четыре через восемь».

Экипаж китобойца – тридцать человек. Кто-то стоит на вахте, когда вы спите, кто-то спит, когда вы стоите на вахте. В результате круг вашего повседневного общения сужается человек до 15 сугубо мужского коллектива. Семь месяцев вы делаете тяжёлую работу, спите в одной каюте, едите за одним столом и так далее – с 15 мужчинами. Некоторые из них ваши надёжные друзья, вы знаете их давно и уверены в них. Некоторые пошли в свой первый рейс, вы их не знаете совершенно. А они совершенно не знают вас. И у них свои «закидоны», свой юмор, своё представление о... Да обо всём на свете! И это представление вовсе не всегда совпадает с вашим.

Вы сталкиваетесь с этими людьми постоянно в узких коридорах, тесных каютах. У ваших товарищей бывает хорошее настроение, а бывает плохое. Точно так же, как и у вас. Для кого-то вы – хороший парень, а у кого-то кроме раздражения ничего не вызываете. Ну, и наоборот. Самое тяжёлое – то, что вам друг от друга никуда не деться. Вы не можете уйти, плюнуть на всё, написать заявление и в любой момент сойти на берег. Вам придётся как-то ужиться на судне. Потому что вам вместе надо делать тяжёлую, опасную и необходимую работу: кормить страну.

К этим негативным психологическим составляющим добавляется море-океан, у которого тоже есть своё настроение. И оно тоже не всегда совпадает с вашим. Вот цитата из «Дневника китобоя» Олега Максимова, написанного в рейсе: «Вода и волны – больше ничего. Качка продолжается. Уже восьмой день...»

Роль социального регулятора на маленьких китобойцах играл коллектив. Нет, не профсоюзная или комсомольская «первички». Собrania этих политических организаций на китобойцах, разумеется, проводили, но моральный климат неформальным образом формировал коллектив. В его недрах вызревали, например, некоторые морские ритуалы.

Когда китобоец выходил на кита, то на мостике, где собралась толпа моряков, переживающих драматический момент охоты, наступала полная тишина. Выйдя на позицию для выстрела, капитан передавал управление судном гарпунёру у гарпунной пушки. Теперь гарпунёр отдавал мостику команды, а не наоборот.

Гарпунёр на китобойце – второй человек после капитана. От его меткости и опыта зависело, возьмёт экипаж кита или нет. То есть – заработок всей команды китобойца.

Во время охоты запрещалась любая критика гарпунёра. Даже если он их не услышит, фразы типа «Чего ты тянешь?» и «Давай, стреляй!» считались серьёзным нарушением, а не просто проявлением дурного тона. За такие слова можно было и затрещину получить. Также в момент охоты команда была обязана соблюдать максимально возможную тишину, чтобы гарпунёр слышал «бочкового», сообщающего о поведении кита в микрофон судовой трансляции. «Бочковой» мог увидеть силуэт всплывающего кита на десятиметровой глубине и в пятидесяти метрах от судна.

Погоня за китом могла длиться несколько часов. Если после нескольких часов погони китобоец наконец-то выходил на «линию огня», но гарпунёр промахивался, то всё начиналось сначала. Помешать гарпунёру взять кита могло всё, что угодно, – налетевший порыв ветра, ударившая в скулу судна волна, плохое настроение и так далее. В судовом журнале «Совершенного», хранящемся в Государственном архиве Калининградской области, я насчитал четыре короткие записи за один день, идущие одна за другой: «Обнаружили фонтан. Начали охоту. Выстрел. Промаях».

Олег Максимов пишет в «Дневнике китобоя»: «Сегодня хоть мы и взяли пять китов, но день был несчастливый. Первый кит был взят пять минут седьмого утра, он порвал нам литье и ушёл. Следующий кит был убит без промаха, но потом гарпунёр беспрерывно “мазал”, в одного кита он не мог попасть пятый раз подряд... Говорят, что в этот день гарпунёр “сбил глаз”. Оказывается, и такое бывает...»

«Сбивший глаз» гарпунёр старался не выходить из своей каюты даже к ужину. Нет, коллектив, как правило, всё понимал: волна высокая была, кит хитрый попался, видимость плохая, ну, с кем не бывает? Но наткаться на взгляды, немолча кричащие: «Ну как же так, Николай? А что будет дальше?» – то ещё испытание для неудачливого гарпунёра.

Однако выйти на позицию и даже сделать точный выстрел – ещё не всё. В китов стреляли гарпуном, на головку которого накручивалась граната. Граната взрывалась в ките. Гранату на гарпун, уже вставленный в ствол пушки, накручивал помощник гарпунёра. Это было опасным занятием даже в тихую погоду, не говоря уже о шторме. Из-за неловкого или неосторожного движения граната могла взорваться.

Для выстрела китобоец должен был выйти на параллельный курс с китом, держась чуть сзади. Гарпунёр метил в левый бок кита, ниже плавника. Если гарпун попадал в могучую спину или ближе к хвосту, то часто случался рикошет. И тогда на китобойце раздавалась команда: «Ложись!» – детонатор на гранате уже пришёл в действие, и никто не знал, куда полетят осколки.

И вновь небольшое отступление...

«Он хотел сына»

Эволюция – очень интересная штука. Рассказы о «бегунах», «бегунках» и «профессорах» часто встречаются в воспоминаниях китобоев всех пяти советских китобойных флотилий. Киты, словно зная, что в далёких 2024–2025 годах участник нашего проекта Максим Гартман назовёт их самыми умными животными на земле, в шестидесятые годы прошлого века старались этот титул оправдать.

«Бегун», «бегунок» или «профессор» – это кит, уже сталкивавшийся с китобоями и китобойцами. Например, был ранен, но ушёл с линя. Такой уже понимал, что от приплывшей в его мир железной грохочущей и воняющей машинным маслом штуковины ждать ничего хорошего не следует.

Олег Максимов, «Дневник китобоя»: «Мы увидели два фонтана совсем близко (от нашего судна – прим. авт.) и бросились на них, а они «бегуны» и без

конца занырявают. Они – уже имеющие опыт встречи с китобоями. Весь день гонялись за ними...»

Анатолий Васильевич Мамаев, ветеран флотилии «Юрий Долгорукий», рассказывает, что на китобойцах наученных опытом китов называли «профессорами». Они к себе не подпускали. С такими связываться – только время терять, но пока поймёшь, кто перед тобой, «профессор» или не «профессор», время проходит.

Раненые киты часто шли на таран китобойного судна. Олег Максимов рассказывает о таком случае: «Интересный эпизод произошёл сегодня. Дали выстрел, граната влетела в тело кита, а гарпун остался на поверхности. Это произошло потому, что лапы (гарпуна) открылись уже на лету, а должны – внутри кита. Кит оказался поражён, но свободен, не на лине. Думали, что убили кита наповал и он утонул, однако он сразу же вынырнул, набрал воздуха и пошёл тараном на нас. Мы не успели дать задний ход, а он упрямо двигался, но, к счастью, его силы иссякли, он остановился у носа корабля».

Синий кит может достигать веса до 120 тонн, если верить «Википедии», он развивает скорость до 33 километров в час. Атакуя, киты шли на шум винтов. Это одно из самых уязвимых мест китобойца. Потерять ход среди айсбергов – ещё то приключение.

Особенно опасны были в этом отношении кашалоты. Главным образом те, которым не достался китовый «гарем». Кашалоты весит 50 тонн и обладает массивной и крепкой головой.

Кроме атакующих китов, в море хватало и других опасностей.

В дневнике Олега Максимова – моряка китобойца флотилии «Слава», порт приписки Одесса, – есть такая запись: «После обеда разыгрался шторм. На «двенадцатом» китобойце у боцмана сломало ногу, волна ударила и бросила его на кнехты. Его успели подхватить. А на «восьмёрке» у лучшего нашего гарпунёра Пургина тоже сильная травма. Я, кажется, не записал в свой дневник, что на самой базе «Слава» потеряли человека. Говорят, что сам бросился за борт...»

Газета «Калининградский китобой», печатавшаяся в рейсе (у берегов Антарктиды!) типографским способом, в статье «Огненный моторист» рассказывает о подвиге моториста китобойца «Скромный» Романа Рудковского. Статья датирована 1964 годом. В ней говорится, что Роман Рудковский, уже в самом конце своей вахты, в грохочущем, жарком и тесном машинном отделении заметил, что из одного из механизмов по замерной трубе начинает вытекать топливо. Это должно было привести к катастрофе: прямо над замерной трубой проходила раскалённая выхлопная труба двигателя, и если хоть капля горючего попадёт на неё – взрыва и пожара не избежать. Отверстие, из которого вытекало топливо, Роман Рудковский зажал ладонями. Опытный моторист не мог не понимать: если топливо попадёт на раскалённую выхлопную трубу прямо над его головой, он в своей промасленной рабочей куртке вспыхнет как факел.

Топливо попало на раскалённую выхлопную трубу. Моторист загорелся, но продолжал затыкать руками горловину трубы, из которой вытекало горючее. Только когда подачу топлива перекрыли, Роман Рудковский сумел подняться по трапу и упал в коридоре машинного отделения. Его срочно доставили на базу, где был небольшой, но хорошо оборудованный госпиталь.

Далее в статье говорится: «Врачи сделали всё возможное, чтобы спасти жизнь огненного моториста. Но ожоги оказались смертельными. 6 марта в 2 часа 50 минут герой-моряк скончался».

В судовом журнале «Скромного» появилась такая запись: «Сегодня, 9 марта, в 8 часов 14 минут по гринвичскому времени в точке – широта 54 градуса 28 минут южная, долгота 44 градуса 15 минут восточная – похоронен в море моторист Рудковский Роман Иосифович».

Приведём ещё один фрагмент статьи «Огненный моторист», посвящённой Роману Рудковскому: «Он любил детей. Он поднимал на сильные руки соседских ребятишек и высоко подбрасывал вверх. Дети тянулись к нему, как тянутся они к большим и улыбчивым людям, озабоченным их заботами и смеющимся их смеху. Он хотел сына с глазами той девушки, которая стала его женой прошлым летом. Весенним антарктическим днём Роман получил известие, что Лариса ждёт ребёнка. Он был уверен, что у него будет сын...»

ГЛАВА 10. ЭТО ЕЩЁ НЕ КОНЕЦ

УП: Ну вот мы и пощупали историю...

У координаторов, инициаторов и экспертов проекта «Китобои: Страну надо кормить» получилось. И получилось хорошо. Во всяком случае, мне так кажется. Например, в головах наших замечательных УПов явно поселился философский китобойный «раздрай». Что это был за исторический период – 1960–1975 годы? А вообще надо было добывать китов? А можно было бы обойтись без такого масштабного китобойного промысла? А каковы последствия? Как к этому относиться сегодня? Имеем ли мы, сегодняшние, право судить тех, кто жил совсем в другое время, в котором были свои «хорошо» и «плохо», отличающиеся от наших представления о счастье, любви и прочем?

Организаторы не старались дать чётких ответов на многочисленные вопросы участников и участниц проекта. Конкретные ответы на сложные и неоднозначные вопросы они должны были найти сами. Мы только приводили аргументацию «за» и «против», приглашали экспертов, часто с прямо противоположными точками зрения, подсказывали, где и что можно посмотреть, почитать, о чём и у кого спросить. А ещё мы по-хорошему провоцировали наших замечательных участников и участниц прикоснуться к тому историческому периоду, «потрогать его руками». И в некоторых случаях – ногами и ушами. Я имею в виду блестящую лекцию Елены Осадчей в музее «Дом китобоя» о песнях и танцах того исторического периода. Во время лекции можно было петь и танцевать, что и сделали участники проекта. И не только они. На этом мероприятии танцевали и организаторы, и члены семей ветеранов китобойной флотилии. Было круто. Не верите? Наберите в Rutube канал «На Коперника», там есть видео.

Для более полного (в наших скоротечных условиях) погружения в ту эпоху мы предложили трём очаровательным и смелым участницам нашего китобойного проекта сделать себе причёски по моде шестидесятых, а также примерить модные 60 лет назад платья. Очаровательные и смелые согласились. Видеоотчёт также можно посмотреть на канале «На Коперника».

Во время выездного мероприятия (какое душное слово это «мероприятие»!) мы даже инсценировали инструктаж советских моряков перед посещением иностранного порта. Правда, ветераны китобойной флотилии сказали, что наша инсценировка мало похожа на реальные инструктажи, проходившие на судах флотилии в иностранных портах. Что же, ещё один полезный урок для наших УПов (честно говоря, и для ЭПа тоже): сомневайтесь, проверяйте, уточняйте! И они уточняли, проверяли, высказывались. В том числе и на один из главных вопросов проекта: «Бить или не бить (китов)?»

Вот что написала по этому поводу умница Варя: «Я не осуждаю китобоев и правительство, которое это одобрило. В то время взгляды на экологию были другими, из-за чего, возможно, это и было допущено. Стоит отметить, что без этого

отношение к животным сегодня не было бы таким внимательным, потому что любые выводы делаются на основе действий в прошлом. Возможно, мы бы и не знали, какую роль киты играют в экосистеме, без “китобойства”. Насчет гуманности “китобойства” – думаю, было бы странно сравнивать жизнь тогда и сейчас и утверждать, что это было напрасно, учитывая, что мы живём в гораздо более благополучное время. Скажу так: эта работа была нужна как государству, так и людям, которые хотят обеспечить свои семьи. И это можно понять, ведь такой приоритет всегда будет актуальным».

Значит, мы работали не зря.

Приложение

УП Мария Мартынова

Киты – те же люди

Сценарий анимационного короткометражного фильма

НАТ. ОКЕАН. НОЧЬ

Светит луна, семья китов мирно плывёт по океану. Кит плавником показывает китихе путь. Китёнок резво плавает вокруг китов, китиха следит за ним.

НАТ. У РОДДОМА. 1965 ГОД. ДЕНЬ

Мать (25), радостная, выходит из роддома с младенцем на руках и санитаркой рядом. Её встречает отец (25) с широкой улыбкой на лице и букетом в руке. Он подбегает к матери и нежно целует её в щёку. Передав санитарке букет, он берёт на руки малышку со счастливой улыбкой.

НАТ. УЛИЦА. ДЕНЬ

Счастливые мать и отец гуляют с коляской, в ней малышка, берут её на руки, смеются.

Проходят мимо магазина, на витрине – манекен в красивом платье. Мать останавливается, смотрит с восторгом на платье. Из магазина выскакивают нарядные девушки, смеются. Мать неловко одёргивает своё старенькое платье. Отец замечает это.

ИНТ. ДОМ. КУХНЯ. ВЕЧЕР

Заходит отец, открывает холодильник, он пуст. Отец хмурится, наливает в кружку воды из-под крана, садится за стол, разворачивает газету, видит объявление: «Требуется гарпунёр на китобойное судно». Отец задумывается.

НАТ. ПОРТ. У ПРИЧАЛА. УТРО

Люди провожают китобойное судно, которое отправляется в плавание. Мать с младенцем машет рукой, провожая своего гарпунёра. Он с судна смотрит на них с любовью, тоже машет рукой.

Судно отходит от причала, отдаляется от берега.

Гарпунёр почти не различим, но мать по-прежнему стоит на причале и машет ему рукой.

НАТ. МОРЕ. ДЕНЬ

На носу судна стоит гарпунёр, наблюдает в бинокль за приближающимися китами: это кит, китиха и китёнок.

Гарпунёр заряжает пушку.

Киты уплывают от судна, но оно набирает обороты, догоняет их. Китиха и кит закрывают китёнка своими телами.

Гарпунёр прицеливается, гарпун вылетает из пушки, разрезая воздух, и мчится к цели.

Вся команда судна замерла, моряки наблюдают с напряжением, надеясь на точное попадание.

Гарпун попадает в китиху, врезается в её тушу.

Раненая китиха пытается освободиться от гарпуна, но он прочно вошёл в её тело, гарпунный канат натягивается как струна.
По воде расплзается пятно крови.

НАТ. МОРЕ. ДЕНЬ

Китёнок мечется вокруг раненой китихи.
Разъярённый кит устремляется к судну.

НАТ. МОРЕ. СУДНО. ВЕЧЕР

На море начинается шторм, волны всё больше и больше.
Обессиленная китиха по-прежнему связана с судном гарпунным канатом.
Гарпунёр довольно потирает ладони, капитан жмёт ему руку, хлопает по плечу – мол, иди отдыхай.
Гарпунёр делает шаг, и тут кит торпедой врезается в борт судна.
Судно от удара накрывается, гарпунёр теряет равновесие, падает в воду.
Гарпунёр барахтается в бурном море, кит бьёт его хвостом.
Моряки бросают в воду спасательные круги, но гарпунёра уже не видно.
Капитан, а за ним и весь экипаж снимают головные уборы.

НАТ. ПОРТ. ДЕНЬ

Гремит торжественный марш. Растянуты транспаранты «Моряки-китобойцы, вы накормили Родину! Страна гордится вами!»
Судно возвращается в порт.
Моряков встречают родные, обнимают их.
И только мать стоит с малышкой на руках, ждёт своего гарпунёра.
Все расходятся, мать с малышкой остаются одни на причале. По её щекам текут горькие слёзы.

НАТ. МОРЕ. ДЕНЬ

Обессиленный от голода китёнок опускается на дно, отец-кит обречённо кружит над ним.

ТИТР: КИТИХА КОРМИТ КИТЁНКА МОЛОКОМ ДО ДВЕНАДЦАТИ МЕСЯЦЕВ, В ДЕНЬ КИТЁНОК ВЫПИВАЕТ ДО ПЯТИСОТ ЛИТРОВ МАТЕРИНСКОГО МОЛОКА, А БЕЗ НЕГО ОН ПОГИБАЕТ.

КОНЕЦ